

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

АННА КАЛИНКИНА
ЦАРСТВО КРЫС

FUTURE CORP.

Метро

Анна Калинкина

Метро 2033: Царство крыс

«АСТ»

2012

Калинкина А. В.

Метро 2033: Царство крыс / А. В. Калинкина — «АСТ»,
2012 — (Метро)

ISBN 978-5-271-43272-9

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! «Первая леди Вселенной Метро» Анна Калинкина возвращается к нам с новой историей! На этот раз – не про Нюту, героиню «Станции-призрака» хотя она в этой книге тоже присутствует. И не про любовь, хотя и ей тут найдется место. Эта история о тех, кто поставлен за грань даже в жестоком мире Московского метро 2033 года. О безысходности и надежде. И – совсем чуть-чуть – о чуде. Итак, бывший царь природы свергнут. Теперь на обломках его империи воздвигнуто Царство крыс...

ISBN 978-5-271-43272-9

© Калинкина А. В., 2012

© АСТ, 2012

Содержание

Quo vadis?	5
Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Анна Калинкина

Метро 2033: Царство крыс

Quo vadis?

Объяснительная записка Дмитрия Глуховского

Когда мы начинали «Вселенную Метро 2033», никто не знал, куда нас это приведет. И я – меньше всех.

Сейчас вот только что я снял с полки и раскрыл «Путевые знаки» Владимира Березина, первый том нашей саги. Прочел свое вступительное слово: обещания, что в серии выйдут романы про Питер, про Новосибирск, про Минск и про Софию.

Ну что же... Про Софию пока так и не сложилось, зато в следующем месяце наконец выходит прогремевший на просторах Сети «МУОС» Захара Петрова о постъядерном Минске. И уже вступили в ряды нашей серии романы о Петербурге и Самаре, Новосибирске и Екатеринбурге, Киеве и Харькове, о Полярных Звездах и вообще о Севере, о Лондоне и Глазго, о Риме и Венеции, о Ростове-на-Дону и даже об Антарктике!

А эта, двадцать пятая, юбилейная по-своему книга проекта, – снова о Москве. Анна Калинкина – «Первая Леди “Вселенной”» – растет на глазах, превращаясь из дебютантки в мастера жанра. «Станция-призрак», первая часть дилогии, написанной Анной, зацепила за живое почти всех фанатов нашей серии. Думаю, эта книга тоже не оставит никого равнодушным, ведь «Царство Крыс» – одна из самых нестандартных книг серии.

Карта мира, каким его открываем для себя мы, выжившие в мире Метро, все разрастается. Нашу серию читают теперь в Германии, Польше, Испании, Италии... На очереди – Швеция, Франция, Венгрия... И что-то еще там было.

Пациент однозначно жив. Но что его ждет дальше? Что ждет дальше всех нас?

В этом году мир «Метро» станет не только книжным – мультимедийным. На портале Metro2033.ru стартует онлайн-игра «Вселенная Метро 2033». В социальной сети «ВКонтакте» к лету должна запуститься еще одна. Обе – высочайшего качества, в обе разработчики вложили всю душу. Уверен, что они смогут не только помочь фанатам постъядера ощутить ту самую атмосферу, но и стать нашими агентами вербовки, привлекая в сети «Метро» новых рекрутов – читателей и писателей.

Мы продолжим шествие по планете – не снимая костюма РХБЗ и тяжело дыша в противогазе. Откроем новые уголки и выйдем в новых странах. Примем в наши ряды писателей из Европы, Америки и Азии. И не остановимся, пока не отвоюем Землю.

Дмитрий Глуховский

Пролог

В темноте слышалось учащенное дыхание, топот – шло несколько человек. Один светил фонариком перед собой. Тонкий луч то выхватывал из тьмы шпалы и рельсы, то метался по стенам туннеля, едва освещая переплетения труб и кабелей, похожие на узловатые старческие вены.

– Стой! Кто идет? – донесся негромкий оклик. Брякнуло что-то металлическое.

Идущие остановились.

– Победители, – негромко отозвался один из них.

– Назовите пароль, – потребовали из темноты.

– Ищущий да обрящет, – снова отозвался один из группы.

– Все правильно, – облегченно отозвался голос из темноты. – Подходите.

Идущий первым посветил фонариком. Двое мужчин. Один, в потрепанной защитной форме, – грузный, обрюзгший, заросший щетиной. Второй, облаченный в какую-то робу, из-под которой торчали тренировочные штаны и разбитые ботинки, одетые на босу ногу, – тощий, измученный, с воспаленными глазами. Державший фонарь хмыкнул, но ничего не сказал. Лишь спросил коротко:

– Где он?

Тощий показал себе под ноги – там валялось что-то, похожее на узел с тряпьем.

Державший фонарь нетерпеливо нагнулся.

– Что с ним?

– Сомлел малость, – виновато отозвался тощий.

Задавший вопрос поворошил тряпки, нащупал тонкую, костлявую руку, подержал за запястье. Потом приложил пальцы к шее.

– Да он не дышит! Какого черта?! Сказано же было – нужен живым! Вы провалили задание, идиоты. Расстрелять вас мало!

Ему никто не ответил. Владелец фонарика откинул капюшон с бледного лица лежащего, осторожно оттянул веко покойника, вглядываясь внимательно. Тишина стояла такая, что слышно было, как поодаль возится и попискивает крыса. Несколько секунд прошло в молчании, и наконец мужчина разогнулся и решительно произнес, как отрезал:

– Не тот!

И сразу все зашевелились. Шумно выдохнул обрюзгший, в изнеможении прислонился к стене туннеля тощий.

– На кого вы похожи? – с презрением спросил командир отряда. – Вы позорите звание солдат...

Он, видимо, хотел еще что-то добавить, но спохватился.

– Сам бы попробовал, – огрызнулся обрюзгший. – Общаясь в интересах дела со всяким отребьем, приходится маскироваться под здешних аборигенов.

– Ну, полно, Вагнер, – примирительно сказал командир.

– Выпить хотя бы есть? – жалобно спросил обрюзгший.

Командир протянул ему флягу, тот жадно присосался к горлышку. Затем фляга перешла к тощему. Через минуту глаза у него прояснились, он явно приободрился и, когда командир протянул руку за флягой, отдал ее с большой неохотой.

– Какие будут указания? – спросил обрюзгший.

– Дело вы до конца не довели, значит, продолжаем поиски. Вы – в своем направлении, ну и у нас тоже есть тут дела кое-какие. Вот вам, кстати.

И он вложил в руку тощего позвякивающий мешочек.

– У нас еще одна проблема, – сообщил тот. – Рихарда зацепило.

Командир нахмурился:

– Где он?

Тощий указал чуть поодаль. Там, на ворохе каких-то тряпок, лежал грузный человек. Он дышал еле заметно, на лбу выступила испарина.

– Ладно, – заявил командир, – идите своей дорогой, мы о нем позаботимся.

И через несколько минут двое оборванцев исчезли в темноте. Командир сидел возле раненого и о чем-то размышлял. Убедившись, что двое успели уйти, он поднялся и дал команду группе:

– Стройся!

– А Рихард? Как мы его понесем? – спросил один из отряда.

Командир, словно вспомнив что-то, быстро вынул из кобуры небольшой револьвер, нагнулся, приставил к виску лежавшего и спустил курок. Все произошло так быстро, что никто и сообразить не успел. Выстрел прозвучал совсем негромко, тело дернулось и обмякло.

– Бедняга Рихард все равно был не жилец, – пояснил командир. – Слишком жестоко оставлять его на съедение крысам заживо. А мы не можем тратить время даром. Нам доверена важная миссия.

Никто из отряда не произнес ни слова.

– Шагом марш! – снова слышалась команда. И снова топот и шумное дыхание в темноте. В туннеле осталось лишь двое покойников, к которым уже подбирались поближе осмелевшие крысы.

Глава 1

Бродяги

Игорь Громов пришел в себя оттого, что на лицо ему лилась вода. Он пошевелил запекшимися губами, стараясь поймать драгоценную влагу.

– Очнулся? – произнес хрипловатый низкий голос. – Ну что ж, добро пожаловать в чистилище.

Что-то прохладное и твердое прижалось к губам, Игорь почувствовал привкус металла и ржавчины. Глотнул раз, другой. Все тело было сплошным очагом боли. Кружку отдернули, и Громов, застонав, потянулся следом.

– Ладно, будет с тебя пока, – произнес тот же голос. – А то еще плохо станет.

«Мне хорошо», – хотел сказать Игорь, но из груди вырвались лишь силые звуки. На лоб легло что-то прохладное – он догадался, что это смоченная в воде тряпка. И снова застонал от облегчения.

– Да, здорово тебя отделали, – снова заметил неизвестный. Или неизвестная. Игорю стало казаться, что голос все-таки принадлежит женщине.

– Где я? – пробормотал он.

– У добрых людей, – в голосе говорившей слышалась ирония. – Хотя те, кто так тебя отметелил, нас за людей вообще не признают. Да и не только они...

– Кто ты?

Вместо ответа женщина поправила тряпку у него на лбу. И на секунду Игорю показалось, что это Лена сидит сейчас возле него, положив на лоб прохладную ладонь. А в ее огромных серых глазах – сострадание и участие. Ангел в роли сестры милосердия. Но образ Лены тут же заслонило в памяти другое лицо – надменный взгляд немолодого уже человека был устремлен куда-то вдаль, словно обозревал неведомые горизонты. Товарищ Москвин – генсек Красной линии. Товарищ Москвин – наше светило, отец родной. Товарищ Москвин разговаривает с работницами, товарищ Москвин на детском утреннике. Генсек среди свиней: третий справа – товарищ Москвин.

Игорь опять впал в забытие. Изредка он приходил в себя, и минуты пробуждения были мучительны. Все тело терзала боль. Ему то снова мерещилась Лена, то всплывало в кровавом тумане надменное лицо правителя. Но почти постоянно он чувствовал присутствие ухаживавшей за ним женщины. Громову уже все равно было, кто она. Только бы сидела рядом, клала мокрую тряпку на лоб, поила водицей с привкусом ржавчины...

И однажды боль отступила. По крайней мере, сделалась терпимой. Он начал осознавать действительность. Правда, та оказалась довольно-таки неприглядной.

Никакой Лены тут не было. Лену увез какой-то анархист с Гуляй-Поля, в прошлом Войковской, и, по слухам, она стала его женой.

Товарищ Москвин, отец родной, – предатель. Отступился от агента, как только того раскололи. И вот теперь Игорь лежит в каком-то закутке, на куче тряпок, истерзанный и избитый. И это ему еще повезло – мог бы вообще пойти на корм крысам...

Но как он мог проколоться так глупо? Как фашистам удалось так быстро его вычислить? Громов не знал этого, как не знал, – а точнее, не помнил, – и того, зачем его вообще забросили в Рейх. Разведчик явно должен был узнать что-то важное, но вот что? Его так долго били, что это напрочь вылетело из памяти. Точнее, он сам велел себе забыть это, чтобы не расколоться. И, видно, забыл весьма основательно.

В памяти снова встала Пушкинская. Белые колонны, фигуры в серой форме. Сначала к нему, крепкому блондину, попросившему политического убежища, отнеслись хорошо. Сам

гауляйтер Волк лично беседовал с ним и назначил перебежчику испытательный срок, в течение которого тот должен был доказать верность Рейху и фюреру. Даже нарек его новым именем – Ингвар. Через пару дней все изменилось: Громова заперли в клетку, откуда то и дело таскали на допросы. Светили в лицо, не давая заснуть, и били. Когда терял сознание – отливали водой и снова били. Но он не сказал ни единого слова. Что же они хотели у него узнать?

Потом Игорю, уже ничего не соображавшему, зачитали приговор. Совершавший эту формальную процедуру офицер ехидно усмехнулся:

– Мы предлагали вашему руководству обменять тебя на одного из наших или заплатить за тебя выкуп. Они ответили, что не так богаты. И менять тебя тоже не захотели. Послезавтра красные собираются казнить оберштурмбаннфюрера Пауля, и в этот же день мы вздернем тебя.

Игорь выслушал это и отключился.

* * *

– Почему приговор не привели в исполнение? – спросил он теперь сидевшую рядом женщину. Даже не спросил, а подумал вслух.

– Кто его знает? – ответила она. – Вообще-то когда мы нашли тебя в туннеле, там, куда они выбрасывают покойников, ты живым не выглядел. К тебе уже крысы подбирались, еще немного – и обглодали бы. Мы бы, наверное, мимо прошли, а один из «трупов» вдруг пошевелился и застонал...

– А кто это – вы? И за каким чертом я вам сдался?

Женщина ничего не ответила. Что ж, если эти люди вытащили незнакомца с того света и теперь о нем заботятся, значит, зачем-то он им нужен. А разобраться, зачем, время еще будет.

Громов чуть приподнялся и обнаружил, что первичные ощущения его не обманули. Он действительно лежал на груди ветхого (и весьма вонючего) тряпья в небольшом закутке. Чуть поодаль в стене было углубление, в котором горела свеча, освещающая неверным светом профиль женщины, сидевшей боком к Громову. Женщина совсем не походила на Лену, но была, пожалуй, по-своему красива: большие темные глаза, прямой нос, полные губы. Правда, ее черные волосы не мешало бы вымыть и как следует расчесать. Одна прядь то и дело падала незнакомке на глаза, и она отбрасывала ее нетерпеливым движением. На женщине был какой-то драный ватник, из-под которого виднелась заношенная пестрая юбка.

– Воды, – попросил Игорь.

– Да что ты все пьешь и пьешь? – спросила незнакомка и тут же сама себе ответила. – Видно, нутро тебе отбили, вот и печет внутри. Женя, принеси напиток. Чего-чего, а воды у нас хватает. Хреновой, правда, ржавой...

При этих словах женщина повернулась к Громову, и он увидел, что под глазом у нее здоровенный синяк, отливающий всеми цветами радуги, а левая кисть замотана черной тряпкой так, что лишь кончики нескольких пальцев видны.

Худенькая девочка с перехваченными обрывком ленты светлыми волосами, в потертом и не слишком чистом костюме защитного цвета, который свободно болтался на ней, неслышно скользнув из дальнего угла, молча протянула консервную банку. Игорь жадно хлебнул, сморщился от привкуса ржавчины. Покрутил носом, уловив запах дыма и съестного.

– Что там варится у вас?

– Похлебка грибная, – отозвалась женщина.

– Все как в лучших домах, – произнес чей-то язвительный голос.

Женщина что-то шепнула девочке, та снова отошла и вернулась опять, неся миску дымящейся похлебки и гнутую ложку. Только сейчас почувствовав зверский голод, Игорь стал жадно глотать, обжигаясь и давясь.

– Э, такими темпами он скоро нас объест, – раздался тот же голос. – Не напасемся на него...

– Заткнись, Васька! – бросила женщина.

Игорь выловил из миски кусочек, похожий на мясо. Поинтересовался:

– Крыса?

– Она, родимая, – с готовностью отозвался голос пока невидимого Васьки. – Крыски трупы объедают, а мы их кушаем. Так и происходит круговорот еды в природе. Выбирать-то особо не приходится.

– Это называется «пищевая цепочка», Василий, – раздался еще чей-то бас.

Игорь не успокоился, пока миска не опустела. Потом выжидательно посмотрел на женщину.

– Больше не дам пока, – отрезала она. – Больным сразу много нельзя.

С сожалением вздохнув, Громов повернул голову, пытаясь разглядеть людей, с которыми свела его судьба.

У сидевшего неподалеку, обхватив колени, худощавого оборванца было изможденное, выразительное лицо с большими глазами. Его темно-русые с проседью волосы сосульками свисали на плечи, а уши были странной формы – слегка заостренные. Судя по внешности, этому типу могло быть от тридцати до сорока лет. Игорь думал, что он мог бы быть даже красивым, если бы его отмыть, откормить и приодеть во что-то получше, чем неопределенного цвета тряпье, пестревшее прорехами и разнокалиберными заплатами. Но оборванцу, видимо, было глубоко плевать, как он выглядит.

– Ну, чего уставился? – ехидно спросил он Игоря. – Не в цирке, чай.

– Фу, как грубо, Василий! – пробасил второй мужчина, впрочем, беззлобно. Игорь перевел взгляд на говорившего. Тот, в отличие от остроухого, был коренастым, а его жидковатые седые волосы обрамляли сияющую лысину. Его наряд составляли такого же неопределенного цвета свободные драные штаны и просторная выцветшая кофта с глубоким вырезом, смахивавшая на женскую. На волосатой груди мужчины болтался какой-то амулет на шнурке.

– Вот, знакомься, – это Профессор, – ткнула в него пальцем женщина. – А это – Эльф Васька.

– Вообще-то Аристарх Илларионович Северцев, – с достоинством представился лысоватый, – но дабы не перегружать вас ненужной информацией, которую ваш мозг вряд ли в состоянии сразу усвоить, можете, действительно, называть меня просто Профессор. Благо, это соответствует действительности.

«Ну и чудики», – подумал Игорь и спросил:

– А как называть тебя?

– Можешь звать пока Мариной, – загадочно ответила женщина. При этом Васька захихикал и покрутил пальцем у виска.

Марина, впрочем, никакого внимания на это не обратила.

– Ну, а тебя-то фашисты за что так обработали? – спросила она и тут же сама себе ответила: – Хотя что это я? Им причина и не нужна. Может, посмотрел на кого не так или еще что... Ты сам-то откуда будешь?

– Пленный я. С Красной линии, – ответил Игорь. Естественно, он не собирался вдаваться в подробности и говорить о своем задании кому попало. Тем более неплохо было бы вспомнить сначала, в чем это задание заключалось. Притворяться перебежчиком не хотелось тоже – бродяги явно фашистов не жаловали, и отношение к нему тут же изменилось бы. А он, слабый и беспомощный, пока полностью зависел от них.

– Тогда понятно, – сочувственно протянула Марина.

С тех пор она часто подсаживалась к Игорю и словно бы невзначай начинала расспрашивать о порядках на Красной линии, о последних событиях, которые он мог вспомнить. При

этом нередко при упоминании того или иного жителя Проспекта Маркса многозначительно кивала головой с таким видом, словно речь шла о ее старом знакомом. Громов охотно рассказывал обо всем, умалчивая лишь о том, чем он сам в действительности занимался на Красной линии. В конце концов, эта женщина кормила его и заботилась о нем, а то, что она со странностями, было не так уж важно...

* * *

Постепенно Игорь понял – его спасли бродяги. Те, которые считались в метро отщепенцами, людьми вне закона.

В первые годы после Катастрофы, сделавшей невозможной жизнь на поверхности, спасшиеся в метро люди вели между собой кровопролитные бои. Они и здесь нашли, что делить – еду, оружие. Даже очищенной воды, даже мест, не зараженных радиацией, не хватало на всех. Люди сбивались в сообщества, и постепенно определились границы основных государств. На Кольцевой линии находилась Ганза – содружество торговых станций. На Красной линии жили коммунисты. Пушкинскую, Чеховскую и Тверскую занял Четвертый Рейх. Было еще государство, где жили военные и ученые, – Полис. Оно располагалось на четырех соединенных переходами центральных станциях – Арбатской, Боровицкой, Александровском саду и Библиотеке имени Ленина. Полис был негласной столицей, сердцем метро. Лишь там еще пытались сохранять знания, чтобы люди не скатились окончательно в пучину первобытного невежества. Ходили, правда, слухи, что под университетом на Воробьевых горах, в подземных бункерах и коммуникациях, также живут ученые. Люди называли это мифическое государство Изумрудным городом – оно казалось таким же привлекательным, загадочным и недостижимым.

В последние годы державы находились в состоянии вооруженного перемирия, тем не менее постоянно засылая друг к другу шпионов в попытках выведать планы соседей.

Игорь вырос на Красной линии. Смышленного, крепкого мальчика с детства готовили в разведчики. Сам генсек товарищ Москвин выделял его, при встречах хлопал по плечу. «Товарищ Громов» был надеждой и гордостью разведшколы.

Громов-старший, казалось, был убежденным коммунистом, а матери Игорь не помнил. Когда-то она, конечно, была, но отец ничего про нее не говорил.

Когда Игорю было пятнадцать, отец ушел со сталкерами на поверхность и не вернулся. С тех пор сироту воспитывал друг отца Михаил Иванович, и под его влиянием парень незаметно стал более критически смотреть на вещи. Стал задаваться вопросами, которые раньше ему в голову не приходили.

Михаил Иванович вроде бы не делал специально ничего, чтобы посеять сомнения в воспитаннике. Но от него Игорь узнал, например, что единственный сын непреклонного генсека отверг отца и предпочел скитаться где-то в метро, чем идти по его стопам. Об этом не говорили, и если бы не Михаил Иванович, Игорь никогда не узнал бы таких подробностей. Отчего сын мудрого и справедливого правителя бежал из дома? Как в такой семье мог вырасти отщепенец?

Когда Игорю исполнилось двадцать два, руководство разведшколы сочло, что он готов к выполнению ответственного задания. Но до этого произошла еще одна история, поколебавшая веру Громова в коммунистический строй.

На станции Охотный ряд, вновь переименованной в Проспект Маркса, как раз готовились к торжественному событию – тело великого вождя всех времен и народов должны были доставить с поверхности и провезти в специальном траурном поезде к месту последнего упокоения. Игорь знал об этом – ему рассказывала Лена. Красавица Лена, которой доверили важную миссию – управлять траурным поездом. Девушка, в которую он уже давно и безнадежно был влюблен. Она вся светилась от гордости, когда говорила о своей роли в предстоящих событиях.

Игорь любовался ею, гордился ею и в душе надеялся, что уже совсем скоро совершит какой-нибудь подвиг. Что-нибудь такое, что будет достойно Лены и позволит открыть ей свои чувства.

И вдруг случилось нечто невообразимое. Какой-то беглый террорист-анархист просто взял и угнал траурный поезд вместе с телом вождя и возлюбленной Игоря. И, что самое ужасное, что просто не укладывалось в голове – комсомолка и активистка, судя по всему, не только ничего против не имела, но даже... помогала негодяю!

Власти потом как-то замяли историю, хоть и не без труда, а вот Лена на Красную линию так и не вернулась. По слухам, сейчас она жила себе счастливо где-то в Полисе вместе со своим анархистом.

А потом один человек по секрету рассказал Игорю, что девушка была опасно ранена и чудом осталась жива. Причем ранена не анархистом, а кем-то из своих. Это потрясло Громова едва ли не сильнее всего. У него еще оставались иллюзии насчет справедливого строя и врагов, с которыми нужно беспощадно бороться. Но он никак не мог представить себе врагом девушку, которая с такой радостью рассказывала о доверенной ей важной миссии. А уж возненавидеть ее настолько, чтобы стрелять в нее...

И все же у жителей того или иного государства оставалась надежда на защиту, пусть и иллюзорная. У бродяг же не было и такой. Бродягу можно было безнаказанно убить, и отвечать за это обычно не приходилось. Для многих это было примерно то же, что пришибить мимоходом крысу в туннеле – просто так, забавы ради. Причем крысу хотя бы можно было съесть...

Между тем бродяги оказались людьми своеобразными. Поставленные в совершенно, казалось бы, невозможные для жизни условия – куда там бомзам до Катастрофы! – они вовсе не собирались умирать. И для этого им приходилось быть куда более умными, хитрыми, ловкими и выносливыми, чем обычные люди. Ведь они не могли рассчитывать на заступничество властей или соседей по станции. Если они оказывались поблизости, во всех неприятных происшествиях – кражах, убийствах, болезнях – в первую очередь подозревали их. Суд обычно был скорым, а приговор – максимально жестким...

* * *

Бродяги, подобравшие Игоря, были весьма примечательной компанией.

Профессор вполне оправдывал свое прозвище. Порой Громову начинало казаться, что этот человек знает все. То есть вообще все. Страшно подумать, сколько книг он, должно быть, перечитал до Катастрофы! Причем знания его были не только теоретическими. Этот человек мог дать полезный совет, как быстрее развести костер, как продезинфицировать рану, и именно он давал указания, как лучше выхаживать Игоря. Совершенно непонятно было, почему Северцев не нашел себе применения где-нибудь в Полисе, а предпочитает вести опасную и полуголодную жизнь вместе с горсткой других оборванцев.

Девочка-подросток Женя была забитой и запуганной. У Игоря сердце сжималось каждый раз, как он видел в полумраке бледное личико ребенка и его тонкие, спутанные русые волосы. Отчего-то Женя предпочитала носить косынку, хотя, по мнению Громова, кое-как накрученная на голову и не слишком чистая выцветшая тряпица девочку совсем не украшала. А уж тепла от нее... Профессор тоже как-то буркнул, что это не слишком гигиенично, но, к удивлению Игоря, никому и в голову не приходило заставить девочку снять косынку. Да и девочка выглядела такой хрупкой, такой несчастной, так пугалась всего, что пытаться ее к чему-то принуждать было бы просто жестоко. Впрочем, иногда вместо косынки она перехватывала волосы обрывком ленточки.

С женщиной, которая выхаживала Громова, было сложно. Марина... Игорю нравилось произносить это имя, оно звучало, как туго натянутая струна. Впрочем, совсем не факт, что оно было настоящим. Марина под настроение сообщала такую кучу противоречивых сведений о

себе, что Игорь предпочитал ничего не принимать на веру. Она была прямо-таки вдохновенная лгунья. При этом остальные члены маленького сообщества, хоть и посмеивались над подругой, относились к ней добродушно.

Марина готовила на всех или собирала съедобных слизней вместе с Женей, ловко орудуя здоровой рукой. Васька как-то обмолвился, что раньше она иногда ходила в Рейх гадать солдатам, но теперь ей туда нельзя.

– Почему? – спросил Игорь.

– Это тайна, – важно сказала Марина. – Но если обещаешь никому не рассказывать, то узнаешь.

Игорь невольно улыбнулся – так по-детски это прозвучало. Кому и что он мог тут рассказать?

– Ну, слушай, – таинственно произнесла Марина. – На самом деле я – дочь Москвина. Того самого, генсека всей Красной линии.

Игорь даже вздрогнул от неожиданности.

– У Москвина нет дочери. Только сын, единственный, да и то о нем говорить запрещено. По слухам, он скитается где-то в метро.

– Я – внебрачная дочь, – гордо заявила женщина, словно это было куда весомее, чем законный сын. – Поэтому мне и приходится скрываться. Кругом враги, интриги. Но скоро отец призовет меня к себе, и я буду помогать ему править.

Послышалось хихиканье. Игорь обернулся и увидел, что Эльф Васька выразительно крутит пальцем у виска.

– А неделю назад она была тайной племянницей фюрера. А еще через неделю окажется сестрой правителя Ганзы. Или внучкой главного брамина.

«Да, – подумал Игорь, – очень правдоподобно. Уж кем-кем, а жгучим брюнетом товарища Москвина никак нельзя назвать...»

С другой стороны, Маринино вранье было, по крайней мере, безобидным. А вот сам Васька то и дело язвил и ерничал. При этом не терпел, когда ему возражали.

У Профессора имелись три засаленных томика, которые он очень берег и пересчитывал время от времени при неверном свете свечи. Иногда Васька брал один из них и тоже делал вид, что читает.

– Василий, – добродушно говорил Профессор, – ну что вы там можете понять?

– Да все могу!

И Васька по складам зачитывал:

– Вста-ла из мра-ка мла-дая с пер-ста– ми пур-пур-ны-ми Э-ос.

– Ну, и о чем тут говорится? – спрашивал Профессор.

– А что такое – «пер-сты пур-пур-ные»? Не по-нашему...

– Перст – палец, пурпурный – это красный цвет, – объяснял Профессор. – Ну, сознайтесь, Василий, что вы не понимаете. В вашем случае невежество простительно.

– Да все я понимаю! – огрызался Васька. – Что ж тут не понять? Девчонка ночью славно поохотилась, оттого и руки по локоть в кровищце.

– Эх, Василий! – вздыхал Профессор. – Ну при чем тут «кровищца»? То есть, конечно, греческие боги в большинстве своем были мстительны и кровожадны. Но здесь-то говорится совсем о другом...

Один раз Васька слегка разговорился. В тот день они на редкость сытно наелись, и Эльф, пребывая в добром расположении духа, мурлыкал себе под нос что-то, похожее на песню. Только вот слова, которые доносились до Игоря, были какие-то странные: дикие и недобрые.

– Что это? – спросил он.

– Вот, слушай, – И Васька продекламировал:

Пока вам был нужен только мой яд
В го-мео-па-ти-чес-ких дозах любви,
Но вам понадобился именно я —
И вы получите нож в спину!
Нож в спину — это как раз буду я!
Нож в спину — это как раз буду я!¹

Слово «гомеопатических» далось бродяге явно с трудом и заинтересовало Игоря своим необычным звучанием.

— А что такое «го-мео-па-ти-чес-ких»? — спросил он.

— Не знаю, — пожал плечами Васька. — Но красиво, правда?

Игорь пожал плечами в ответ:

— Странные какие-то стихи...

— Инструкция по выживанию, — пояснил Эльф с нотками превосходства в голосе.

— А-а, тогда ясно, — кивнул Громов, лучше всего уяснивший насчет ножа в спину. — Нет человека — нет проблемы. Толково...

— Да нет, ты не понял. Группа так называлась — «Инструкция по выживанию». Которая эту песню написала и пела. Мамашке моей нравилась.

Совершенно запутавшийся Игорь покачал головой. Какая группа? У них на Красной линии песни писали не группы, а официально утвержденные поэты, прославлявшие товарища Москвина и его наиболее отличившихся соратников. Ведь не каждому можно доверить такое ответственное дело — прославлять генсека. А исполнял их хор. Может, это и есть — группа? Но спрашивать Ваську он не решился.

— А вы, Василий, любите музыку? — поинтересовался Профессор. Васька нехорошо уставился на него — так, что Северцев неловко заерзал на месте. Пауза затянулась.

— Ненавижу, — наконец громко и отчетливо произнес Васька.

— Но... почему? — неуверенно спросил Профессор.

Эльф злобно ощерился, став похожим на загнанную в угол крысу.

— Потому что сыт по горло! — злобно выплюнул он. — Если б тебя, голодного, в любую погоду таскали на рок-концерты под открытым небом, ты бы тоже возненавидел — спорим? Если б стоял там под дождем и снегом, а грохот ударной установки выносил бы тебе мозг. Особенно если барабанщик то и дело не попадает в такт.

— Я как-то не задумывался об этом, — озадаченно пробормотал Профессор. — Я скорее имел в виду консерваторию...

Васька уже немного успокоился.

— Хрен его знает. Может, мне и понравилось бы в консерватории, — задумчиво протянул он. — Особенно если бы там был буфет, чтоб можно было наесться до отвала...

Громов не очень представлял себе, что такое консерватория, зато хорошо знал, что такое консервы. Может, они там хранились? А музыка тогда при чем? Чтобы не злить понапрасну Ваську, он решил не уточнять. Зато немного погодя, когда Эльф куда-то удалился, задал Профессору куда больше интересующий его вопрос:

— Что такое «го-мео-па-ти-чес-ких»?

— Лекарства такие раньше были, — отмахнулся Профессор. — Сейчас трудно объяснить, да и зачем?

Игорь опять ничего не понял. Лекарства? При чем тут тогда любовь?

«Интересно, — подумал он, — что свело вместе таких непохожих друг на друга людей? И зачем они здесь живут?»

¹ Из песни «Нож в спину» группы «Инструкция по выживанию».

Впрочем, ответ на второй вопрос найти было несложно. Им просто некуда было деваться.

* * *

Как понял Игорь, бродяги обитали в каком-то подсобном помещении примерно в середине туннеля, ведущего от Чеховской к Цветному бульвару. Профессор говорил, что добрался сюда с Новослободской, когда его выгнали с Ганзы. Откуда пришли Марина с Женей, понять было трудно – Марина каждый раз рассказывала новую историю. Васька тоже предпочитал помалкивать.

Из рассказа Профессора Игорь узнал, что Цветной бульвар вроде бы с виду почти цел, но находится в аварийном состоянии. Стены потрескались, станция в любой момент может просесть. Поэтому там никто не живет. А соседняя с ним Трубная и подавно сильно разрушена. Игорь слышал, что во время Катастрофы некоторые станции целиком или частично обрушились, погребая под собой укрывшихся на них людей. Так вышло и с Трубной.

В сущности, бродяги оказались в западне. С одной стороны – Рейх, с другой – заброшенная станция, куда запросто могли проникнуть какие-нибудь чудовища с поверхности. Они жили в постоянном страхе – то ли со стороны Цветного бульвара нападут мутанты, то ли фашистам надоест терпеть под боком таких соседей и они решат устроить зачистку. Пока обитатели Рейха к ним не совались – видимо, брезговали.

Профессор, как обладатель наиболее «арийской» и благообразной из всех бродяг внешности, раньше осмеливался иногда пробираться в Рейх – попрошайничать. Случалось, ему подавали и удавалось раздобыть еды. Но в последнее время фашисты совсем озлобились – Профессор все чаще возвращался с пустыми руками, а однажды его ни за что избили. Марина только охала, перевязывая его раны.

Иногда с Северцевым увязывался Васька – воровать. Он делал это под настроение, когда чувствовал, что сегодня у него удачный день и легкая рука. Иногда ему действительно везло – однажды Эльф притащил почти новый автомат и два рожка патронов к нему. Почти все патроны, правда, пришлось выменять на еду, которой катастрофически не хватало, но Васька обещал, что при случае раздобудет еще.

Эти четверо жили одним днем, и на фоне остального населения метро, хотя и не уверенного в завтрашнем дне, но пытавшегося строить планы хотя бы на ближайший месяц, казались людьми без будущего. Тем не менее они неизвестно зачем подбирали и vyhаживали совершенно чужого им человека. Впрочем, возможно, у них были на него какие-то виды. Игорь, как и все обитатели метро, был достаточно здравомыслящим, чтобы понимать: никто ничего не делает просто так. Здесь, среди отщепенцев, проповеди товарища Москвина о справедливости, братстве и счастливом будущем выглядели особенно цинично.

Тем более если вспомнить его предательство.

«Ну ничего, – думал Громов, – если доведется еще увидаться, непременно предъявлю счет. За себя, и за Лену – отдельно. Рановато списали меня, товарищ генсек».

Наверняка тут не обошлось без Якова Берзина. Этот худощавый, бледный и выглядящий вечно больным человек взирал на мир наивными голубыми глазами. Иногда он надолго пропадавал, потом вновь появлялся на станции Проспект Маркса. Ходили слухи, что Берзин лечит застарелый туберкулез, а еще – что он замешан в каких-то жутких и тайных делах. Хотя Игорь знал, что Яков не терпит насилия и даже вида крови не переносит. Тем не менее эта загадочная личность, ко мнению которой прислушивается генсек, многим внушала ужас. Громов полагал, что идея пожертвовать провалившимся разведчиком принадлежала именно Берзину. Может, он и не мог смотреть на побои, но подписать смертный приговор человеку заочно было вполне в духе Якова – если он считал, что это отвечает интересам руководства Красной линии.

Но к Берзину у Игоря не было такой ненависти. Ведь это не он хлопал способного разведчика по плечу, глядя на него с отеческой лаской. И если даже Берзин дал совет бросить Игоря на произвол судьбы, генсек ведь мог к нему и не прислушаться...

Впрочем, увидеться с товарищем Москвиным, возможно, и не доведется. Когда Игорь пришел в себя, он по первости просто радовался, что идет на поправку, и не задумывался о том, что будет делать дальше. Но теперь ему стало приходить в голову – они в западне. И пути отсюда нет. Особенно ему, красному шпиону Громову.

Пусть он чудом выжил, но что делать теперь? В Рейх нельзя – там его опознают при первой же проверке документов и охотно доделают то, что не закончили в прошлый раз. На Красную линию он не вернется – не к кому. Да и не смог бы он после такого предательства продолжать служить, как ни в чем не бывало, идеалам коммунизма. Какой из него теперь гражданин Красной линии? Впрочем, при всем желании Игорь вряд ли попал бы отсюда – туда. Даже если удалось бы пройти через Цветной бульвар на разрушенную Трубную. По слухам, туннель от Трубной к Сретенскому бульвару тоже сильно пострадал и даже переходы с Красной линии на Тургеневскую и на Сретенский бульвар был замурованы. Правда, поговаривали, что Сретенский все же как-то сообщается с Красной линией, но уж очень нехорошие ходили слухи об этой станции. Шептались, что там назначают встречи с бандитами ганзейцы, которые не хотят светиться на Китай-городе. И что народишко там живет отчаянный – можно пропасть бесследно, и никто никогда не найдет. Значит, и этот путь был заказан.

Оставаться здесь, с бродягами? Дегradировать и стать одним из них? Выживать любой ценой, бояться каждого шороха, питаться всякой дрянью, да и ту еще нужно найти! Такое будущее, разумеется, не привлекало Громова. В груди закипал протест. Он еще молод и полон сил, неужели для него все кончено в самом начале жизненного пути? Неужели не заготовлено для него в этой жизни что-нибудь получше? Неужели все его способности и навыки, полученные в разведшколе, не помогут обеспечить себе сносное существование? Он явно заслуживает большего. Когда силы вернутся к нему, он снова станет бойцом, профессионалом. Может быть, подумать о том, чтобы пробраться на Ганзу? На богатую, сытую Ганзу, которая в состоянии будет достойно оплатить его услуги. Да, пожалуй, об этом стоило подумать. Если уж продаваться, так подороже.

Или, может, попробовать перебраться в Полис? В государство военных-кшатриев и ученых-браминов? Громову, конечно, нечего и рассчитывать стать одним из браминов, не тот у него характер и не те цели. А вот военную карьеру можно было бы, наверное, сделать. Михаил Иванович, провожая Игоря на задание, рассказал, кто мог бы посодействовать ему там, – на всякий случай. Игорь даже удивился – надо же, какие, оказывается, знакомства у неприметного с виду пожилого человека.

Как выяснилось, в Полисе некоторое время жил и Профессор. Но когда Игорь стал расспрашивать его об оставшихся там знакомых, у Северцева испортилось настроение. Он мрачно принялся рассуждать о том, что ученые Полиса отгородились от народа и не хотят нести свет в массы. Они, мол, решили, что их миссия – сберегать знания, но отнюдь не распространять. Потому-то он и ушел отсюда – сперва не нашел общего языка с этими надменными учеными сухарями, а со временем и вовсе невыносимо стало жить с ними рядом.

Полис. Игорь нахмурился. А что, если там он встретит Лену? Нет, он не в обиде на нее, сердцу не прикажешь. Но как-то не очень хочется быть свидетелем ее счастливой семейной жизни. Да, пожалуй, Полис – это уж на самый крайний случай...

Но пока все это были лишь планы. Чтобы осуществить их, нужно было набраться сил. И Игорь старался побыстрее восстановиться.

Когда он окрепнет, можно будет попробовать пройти тем же путем, каким пришел сюда Профессор: через Цветной бульвар до Новослободской. Наверное, это тоже опасный путь. Но, возможно, у него получится. И тогда еще посмотрим, кто будет смеяться последним!

* * *

– Гауляйтер Волк, срочно к фюреру!

Высокий плечистый человек со стрижкой «ежик», густыми седыми усами, в серой форме и черном берете с эмблемой-черепом, вскинул руку в приветствии. Затем широкими шагами направился через всю станцию – в рейхсканцелярию. Открыл дверь в одно из технических помещений, украшенную орлом, сжимающим в лапах венки с трехконечной свастикой внутри. Почти все погруженное в полумрак – газовые лампы давали не так уж много света – помещение занимал длинный стол, а вдоль стен стояли знамена Рейха. В самом дальнем конце стола, под портретом своего предшественника, великого вождя всех времен и народов, сидел глава Четвертого Рейха. Гауляйтер вновь вскинул руку:

– Хайль фюрер!

Тот лишь надменно кивнул. Невысокий, желчный, с запавшими небольшими серыми глазами и жидкими русыми волосами, он, несмотря на внешность, внушал гауляйтеру трепет.

– Ну? – гневно спросил фюрер. – Почему до сих пор нет результатов?

– Люди стараются, мой фюрер. На поиски брошены лучшие силы. Но дело не из легких.

– Кому поручено задание?

– Задействованы самые толковые агенты. Самая сложная задача доверена Вагнеру и Коху. Уж если они не справятся, то не справится никто.

– Пусть удвоят усилия. Но – крайняя осторожность. И помните, нужно обязательно взять его живьем!

Гауляйтер вздохнул, вспомнив о трупке в туннеле. Хорошо, что фюрер не узнает об этом проколе. Но задача трудная, чертовски трудная.

Сначала, когда вождь впервые заговорил с ним об этом деле, гауляйтер был потрясен. В голове не укладывалось: неужели фюрер и впрямь намерен изловить призрак? В таком деле, пожалуй, не помогла бы и вся военная мощь Рейха. Это было бы слишком самонадеянно с их стороны – заниматься охотой на потусторонние силы.

Но когда фюрер объяснил свой замысел, гауляйтера потрясла его простота и гениальность. Конечно, и эта задача была очень сложной, пусть и более реальной. Во всяком случае, попробовать стоило. В случае успеха Рейх обрел бы невиданную мощь. Но все же как найти именно того, кто им нужен?

– Надеюсь, вы все поняли? – спросил фюрер. – Он нужен мне живым! Да, кстати. Что там с группой сталкеров под руководством Дитля? Не вернулись еще?

– Никак нет, мой фюрер! Ждем со дня на день, – бодро гаркнул гауляйтер.

Указанная группа была давным-давно отправлена обследовать здание, в котором до Катастрофы располагалось посольство ФРГ. На схеме был указан бункер, и фюрера интересовало, не остался ли там кто-то из людей или хотя бы что-нибудь нужное из имущества. Честно говоря, гауляйтер уже не верил, что Дитль и его люди вообще когда-нибудь вернутся: посольство находилось вроде бы где-то на Мосфильмовской, путь был неблизким и опасным. Тем не менее все усиленно делали вид, что не сегодня завтра сталкеры триумфально постучат в гермоворота Тверской.

– Ясно, – подытожил фюрер. – Можете идти.

Гауляйтер шел по станции Пушкинская, и мысли его были невеселы. Ну сколько он еще сможет выносить вечные придирки? Каждый начальник здесь старается перещеголять другого в верности идеалам нации. Какой, к черту, нации, если тут каждый первый Вилли на поверку оказывается самым чистокровным Ваней? И предел мечтаний чуть ли не каждого обитателя Рейха – иметь в предках ну хоть обрусевшего немца из Поволжья.

Тем не менее деньги, почет, власть – вовсе не пустой звук. Ради этого, пожалуй, стоит иной раз и потерпеть...

Даже Волк не знал, что оба возложенных на него задания выполнялись в рамках тщательно засекреченного проекта «Аненэрбе». О нем знали лишь высшие командные чины. Руководителей проекта интересовали тайные бункеры, склады оружия, стратегические запасы пищи и медикаментов, специальные бронированные вездеходы для передвижения по поверхности. Все это нужно было для установления господства над миром. Но для решения такой глобальной задачи требовалось и кое-что помощнее вездеходов. Такое оружие, противостоять которому не смог бы никто. И фюрер как раз ломал голову над тем, что может стать этим оружием. Традиционно почти вся руководящая верхушка рейха увлекалась оккультизмом. Похоже, настало время обратить тайные знания на службу великой нации...

Глава 2

Тайны Цветного бульвара

Жизнь бродяг становилась все опаснее. Однажды в туннеле послышался топот сапог со стороны Чеховской – шло несколько человек в сторону Цветного бульвара. Бродяги едва успели затаиться в своем закутке и сидели в темноте, задув все свечки. Потом с той стороны вдруг донеслись крики, автоматные очереди и снова топот – несколько человек пронеслось мимо них обратно к Чеховской. Лишь к вечеру, когда все утихло, Васька решился сходить туда – посмотреть, в чем дело. Профессор тоже отправился с ним. Вернувшись, они рассказали, что наткнулись в туннеле ближе к Цветному бульвару на два трупа в противогазах, костюмах химзащиты и с автоматами. Все это, разумеется, они принесли с собой, невзирая на то, что одна «химза» оказалась щедро залита кровью. Что это была за группа, зачем шла к Цветному бульвару, на кого наткнулась там и почему эти люди бросили трупы товарищей, осталось загадкой. Впрочем, на последний вопрос ответ найти было нетрудно – они просто увидели что-то, напугавшее их до полусмерти, и бежали, оставив своих убитых. Васька сказал, что один покойник был еще теплым на ощупь – скончался как раз перед их приходом. Если бы его не бросили, оказали помощь, мог бы, наверное, выжить.

– Им все равно уже без надобности, а нам в хозяйстве все сгодится, – цинично подытожил Васька, который снял с одного из убитых даже кирзовые сапоги. Он с удовлетворением разглядывал добытый там же нож со свастикой на рукоятке.

– На еду в Рейхе не сменять, конечно, – уж больно приметный. Но мне и самому сгодится, давно о таком мечтал.

Игорь тоже с завистью смотрел на нож. Он бы и сам от него не отказался.

– Не к добру все это, – покачал головой Профессор. – Рейх как осиный улей гудит, фашисты так и шастают во всех направлениях. Опасно становится здесь.

– А где сейчас не опасно? – философски спросил Васька.

– Интересно, почему они так всполошились? – вслух подумал Игорь. «А не может ли это быть как-то связано с моим заданием?»

– Есть у меня кое-какие догадки, – протянул Профессор. – Слышал я странные слухи... Один офицер говорил другому, что скоро военная мощь Рейха многократно возрастет.

Игорь силился вспомнить. В последнее время все лазутчики красных доносили, что в Рейхе всерьез готовятся к войне. Кажется, именно из-за этого его и направили в Рейх – узнать, почему так взбудоражены фашисты, когда и против кого готовят очередной поход и, главное, отчего так уверены в победе?

– Интересно, на что они рассчитывают? – пробормотал он. – Что за секретное оружие заготовили?

Профессор хмыкнул:

– Я слышал очень странные вещи. Будто бы они собираются заручиться такой поддержкой, противостоять которой не сможет никто.

– Обычные пропагандистские сказки. Фрицы на них всегда были большими мастерами, – скривился Игорь, стараясь не показать виду, как этот разговор его интересует.

– А вы не слышали здешней легенды? – спросил вдруг Профессор. – Про то, как на одной из станций метро, вроде бы Полежаевской, рождались голубоглазые детки-ангелочки, годам к пяти превращавшиеся в дебилов?

– Я уже взрослый, сказками не увлекаюсь, – пробормотал Игорь. – Что-то такое слышал вроде – говорили о проклятии, наложенном на станцию. Не могу же я всерьез верить в такие глупости!

– Не в проклятии дело, – покачал головой Профессор. – Его невежественные женщины придумали, конечно. А причина была, скорее всего, в повышенном радиационном фоне. Знаете, бывают такие мутации, где несколько признаков связаны между собой и проявляются вместе. Это я доступно объясняю, чтоб вам понятнее было. В данном случае отличительной особенностью был цвет глаз. У детишек, которым грозило в будущем слабоумие, были голубые глаза. Ну, раз так, слышали, наверное, и о том, как отдан был тайный приказ убивать их сразу, как только они появлялись на свет? И как одна безумная, но отважная женщина убежала в туннель, унося на руках новорожденного сына? Конечно, бедняжку, скорее всего, растерзали какие-нибудь монстры, но с тех пор во всем метро ее почитают, словно святую. Рассказывают, что многие ее видели после того случая, что она творит чудеса. Вы не представляете, как быстро здесь разносятся слухи! Казалось бы – с одной станции на другую не так-то легко добраться, а телефонная связь есть лишь между самыми важными объектами. И тем не менее каким-то загадочным образом слухи молниеносно распространяются. Возможно, их разносят челноки – они почему-то всегда знают, где и что происходит.

– Да, я понял. Но при чем здесь это? Или вы тоже верите в чудеса, которые совершает эта женщина, восстав из мертвых?

Профессор остро глянул на Громова.

– Нет, я в это не верю, – помолчав, сказал он.

– Может, вы думаете, что она могла чудом уцелеть?

– И в это я не верю тоже. Но сейчас речь даже не обо мне. Представьте себе – на одной из станций власть находится в руках невежественного человека, которого окружающие убедили в том, что святая действительно существует и творит чудеса. Представляете, какое искушение возникнет у него?

– Нет, не представляю, – честно сказал Игорь. – Он что же, попытается ее разыскать и привлечь к сотрудничеству? Вряд ли такая смелая идея придет в голову даже самому недалекому глупцу.

– Привлечь к сотрудничеству можно разными способами. Уж в Рейхе-то знают об этом. Они и мертвых могут заставить себе служить.

– Но как... – начал было Игорь, и тут из туннеля раздался крик.

Васька отреагировал быстрее всех: метнулся в туннель, держа в одной руке фонарик и на ходу доставая нож.

Кричала Женя. Она указывала на небольшую щель. Васька говорил потом, что успел заметить странный черный шланг, торопливо втягивавшийся туда. Девочка что-то бормотала про змею, которая хотела напасть на нее.

Марина отругала ее и велела не выходить никуда одной. Но все понимали, что дело плохо. Если гады завелись поблизости, им ничего не стоит проникнуть в их убежище.

Марина вообще в последнее время стала нервной и злой. Еды катастрофически не хватало. Игорь чувствовал угрызения совести – он пока был для группы только обузой.

«Ничего, – утешал он себя. – Если они меня кормят, значит, им это нужно. Потом потребуют чего-нибудь взамен».

В тот вечер Профессор и Васька ушли к Чеховской – посмотреть, не удастся ли чего-нибудь выклянчить или украсть. Довольно быстро вернувшись с пустыми руками, они рассказали, что в туннеле опять валяется труп какого-то бедняги, весь истерзанный.

– Совсем фашисты озверели, – вздохнула Марина. – Видно, скоро быть войне.

– Знаете, – сказал Профессор, – мне кажется, дело даже не в них. Мне кажется, метро – это не просто туннели и перегоны. Это настоящий, живой организм. Слышите!

Он поднял палец, призывая к молчанию. В тишине что-то шуршало, вздыхало – словно дышало неведомое гигантское животное.

– Туннели – это его артерии и вены. А кровь метро – это мы. И когда становится слишком много дурной, больной крови – тогда и случаются войны. От нас тут ничего не зависит.

Марина слушала, затаив дыхание.

– Глупости! – фыркнул Васька. – Это значит, что туннель не сегодня завтра обрушится. Это земля шуршит, осыпается.

И тут горько заплакала Женя. Игорь еще вчера, засыпая, слышал ее сдавленные всхлипывания. Теперь девочка плакала уже навзрыд.

«Она чем-то очень напугана», – подумал Громов. Конечно, любой ребенок в ее положении боялся бы. Но все же она ведь не одна, со взрослыми. У них на Красной линии дети, несмотря на суровую жизнь, все же оставались детьми – случалось им и шалить, и смеяться. А эта девочка как будто слишком рано повзрослела. Словно ей пришлось пережить что-то ужасное.

Впрочем, откуда ему знать, что ей пришлось пережить?

– Ну, чего разнюнилась? – спросил Васька. – Не реви, все равно рано или поздно все поправим. Да хватит ныть, вот завелась, и не уймешь теперь. Давай сказку расскажу. Вот слушай – жил как-то один добрый человек, у богатых все отбирал, а бедным, вроде нас, отдавал. У него еще был лук со стрелами, и еще он умел летать. У него сзади был такой пропеллер с моторчиком...

– Интересная версия, – пробормотал Профессор.

– Нет, я перепутал, он на воздушном шаре летал, – быстро поправился Васька. – И еще у него был верный поросенок.

– Василий, друг мой, – не выдержал Профессор, – вы, случайно, Робин Гуда с Винни-Пухом не перепутали?

Притихшая было Женя снова расплакалась, а Васька пристально уставился на Северцева.

– Моя мать не рассказывала мне сказок, – сказал он со странным выражением. – Ей было не до меня. Я ей на фиг не нужен был! – его голос сорвался на крик. – Я никогда не ходил в кино или в цирк, как обычные дети! Только на концерты она таскала меня с собой – и то когда можно было пойти бесплатно. А я их ненавижу, ненавижу музыку, которая выносит мозг, но оставаться дома одному хотелось еще меньше! И нечего все время меня этим попрекать! Если ты такой ученый, что ты тут делаешь с нами?!

– Да я и в мыслях не имел... – растерянно пробормотал Профессор.

И тут, на счастье, вмешалась Марина.

– Твоя мать любила тебя, – убежденно сказала она. – Любая мать любит своего ребенка. Просто она не знала, как детям нужны сказки.

Васька недоверчиво посмотрел на нее. Вздыхнул:

– Врешь ты все, – но голос его был уже спокойнее.

Уже потом, когда девочка уснула, убаюканная Мариной, Игорь, сам засыпавший, слышал обрывки разговора между Профессором и Васькой. «В первую очередь будут искать на станциях ближе к Полежаевской, – озабоченно говорил Васька. – А какие там рядом? Беговая, Улица девятьсот пятого года, а с другой стороны – Октябрьское Поле, но там люди не живут. Да и на Щукинской вроде людей нет, а что уж там дальше – не знаю».

«Интересно, кто и кого собирается искать?», – сонно подумал Игорь. Почему-то казалось, что разговор этот имел отношение к рассказу Профессора о сбежавшей с ребенком женщине, но ему слишком хотелось спать. Игорь решил, что расспросит профессора потом.

* * *

Через день, когда уже Марина расплакалась от отчаяния, пытаясь утешить голодную Женю, Васька решительно сказал Игорю:

– Готовься. Сегодня вечером наверх пойдем, какой-нибудь жратвы поищем.

Игорь молча кивнул. Он все еще чувствовал себя не лучшим образом, но понимал – надо что-то делать, иначе они от голода совсем ослабеют, и тогда – конец.

– Ближе к вечеру до Цветного дойдем, оттуда и выйдем наружу... Да ты не дрейфь, я уже выходил как-то, и ничего. Костюмы да противогазы у нас теперь есть, спасибо фрицевским жмурикам, автоматы – тоже. Одно плохо: места я тут ни хрена не знаю. Старик мне, конечно, рассказывал кое-что, вроде он лучше здесь ориентируется. Но ведь с собой его не возьмешь, какой из такого помощник – обуза только...

Главной проблемой для Игоря оказалась обувь. Перед тем как бросить в туннеле, в Рейхе с него, естественно, сняли ботинки: годной обувью в метро не разбрасывались. Профессор с большим скрипом, после долгих уговоров, одолжил ему разбитые бесформенные ботинки, которые держал про запас. И то только после того, как Васька намекнул: если Игорь останется босым и не сможет идти на вылазку, то завтра всем будет нечего жрать.

Пока шли по туннелю, Игорь не очень волновался. Васька уверенно двигался вперед, то и дело прислушиваясь. Но когда вышли на просторную пустую безмолвную станцию, Игорю стало не по себе. Луч фонарика выхватил из темноты осколки красивого разноцветного стекла, украшавшего стену. Станция выглядела почти не разрушенной, тем противоестественнее была царившая на ней тишина.

Под ногами валялось какое-то тряпье, иногда что-то похрустывало.

– А тут что ж, люди не жили? – спросил Игорь у Васьки, чтобы услышать хотя бы звуки собственного голоса.

– Тише! – прошипел тот. – Потом языком чесать будешь, когда вернемся. Если вернемся. А пока – ни слова без нужды. Молчи и слушай меня. Пора одеваться.

Они натянули костюмы и противогазы. Гермоворота здесь были закрыты не до конца, оставалась большая щель, которую кто-то старательно забаррикадировал, навалив досок, обломков кирпичей и другого хлама. Васька уверенно отодвинул пару досок, и они протиснулись в образовавшееся пространство. Долго шли вверх по заржавевшему эскалатору и наконец оказались в небольшом вестибюле. Васька осмотрелся и махнул рукой Игорю, приглашая идти следом.

Выйдя из вестибюля, они увидели прямо перед собой улицу, а за ней – темную массу разросшихся деревьев, освещенную слабым светом нарождавшегося месяца. Васька подумал и повернул направо, вдоль полуразрушенного здания, состоявшего, казалось, наполовину из стекла. И сквозь это стекло Игорь видел какие-то белые фигуры. Те, впрочем, стояли неподвижно. Товарищ не обращал на них внимания, и Игорь тоже успокоился. Они шли вдоль улицы, сплошь заставленной остовами машин. Вдруг Громов вздрогнул и остановился.

Возле одной из машин спиной к ним стоял человек.

Игорь толкнул Ваську, но тот и сам уже заметил. Они замерли на месте. Игорь потихоньку поднял автомат. Человек не шевелился – наверное, не слышал их приближения. «Стоит ли сразу стрелять? – лихорадочно размышлял Игорь. – Возможно, это вовсе не враг, а кто-нибудь из сталкеров?» Страшно было оттого, что неизвестный был гораздо выше самого Игоря и выглядел настоящим великаном. Только почему он так долго стоит на одном месте, даже не пытаясь спрятаться, как будто ничего не боится?

Тут Васька вдруг успокаивающе махнул рукой и шагнул вперед, прямо к застывшей на месте фигуре. Подняв руку, он фамильярно похлопал неизвестного по плечу. Игорь вздрогнул, но странная фигура по-прежнему не шевелилась и никак на Васькин жест не отреагировала.

Тогда Игорь тоже подошел поближе и усмехнулся. Человек стоял тут явно уже очень давно – не один десяток лет. И будет стоять еще долго, если ничего не случится.

Человек, как и необычного вида машина возле него, был сделан из металла. На голове у него был странный приплюснутый головной убор. Видимо, это один из памятников. Правда Игорь знал, что памятники обычно ставили на специальных постаментах, чтобы их было видно издалека. А чтобы так вот, прямо на тротуаре...

Тем временем Ваську что-то заинтересовало напротив, на бульваре. Игорь взглянул туда.

Прямо перед ними пространство было очищено от деревьев и кустарника. На просторной круглой площадке он увидел возвышавшуюся грозную фигуру. Еще один памятник, но куда более злоедей. Толстый человек в просторной пестрой одежде, разрисованной ромбами, с развевающимися волосами под странным конусообразным головным убором, оседлав колесо и непонятным образом удерживаясь на нем, держал в руке громадный драный зонт. С ручки этого зонта свисал головой вниз какой-то несчастный малютка. Вокруг злоедейской фигуры располагались еще четыре – кто сидел, кто стоял, один даже оседлал другого. У всех на носах были непонятные круглые нащепки. А недалеко от главной фигуры на земле лежал большой четырехугольный плоский предмет. И сверху на нем что-то белело.

Васька, явно тоже заинтересованный, подошел поближе. Игорь осторожно устремился за ним. Каждую минуту оглядываясь на темневшую неподалеку массу деревьев, откуда то и дело доносились странные звуки, они вышли на круглую площадку. Тут Игорю стало совсем не по себе. Ему все казалось, что страшный человек только притворяется неподвижным, замерев в броске. Вот-вот он оживет, покатится на своем колесе прямо на него, схватит за шиворот и добавит к своим трофеям.

Васька тем временем разглядывал то белое, лежавшее на прямоугольной подставке. Когда Игорь пригляделся, ему стало еще хуже. Предметы оказались несколькими человеческими черепами, обглоданными дочиста. Васька нервно замотал головой, показывая назад. Игорь был с ним абсолютно согласен – пора было уходить, и поживее. Кто бы ни были те, кто оставил здесь эти страшные подношения, они в любой момент могли вернуться.

Васька и Игорь торопливо прошли назад, в сторону станции Цветной бульвар. Но заходить в вестибюль Васька не стал, а вместо этого пошел по улице дальше, решив, видимо, попытать счастья в противоположном направлении. Игорь следовал за ним.

Впереди виднелся большой мост, нависавший над дорогой. Васька оглядывал дома, но никак не мог ни на что решиться и продолжал идти дальше. Так, пробираясь между заржавевшими остовами автомобилей, они дошли до широкой улицы и прошли под нависавшим мостом на другую сторону. Ваську заинтересовало невысокое здание. Напарники осторожно приблизились к закрытой двери, Васька потянул ручку на себя, и дверь открылась. Внутри просторного зала стояли столы и валялось несколько стульев. Миновав это помещение, они попали в другое, небольшое, где вдоль стен стояли шкафы. Васька принялся шарить на полках и, обнаружив несколько металлических банок, пару бутылок с какой-то жидкостью, а также несколько прорванных пакетов, кинул все это в свой рюкзак. С сожалением оглядев валявшийся вокруг хлам, Эльф отдал Игорю потяжелевший рюкзак и направился к выходу. Видимо, добыча показалась ему недостаточной, потому что он двинулся дальше вдоль широкой улицы.

Игорь крутил головой, оглядываясь. Дома чаще попадались высокие, но Васька интересовался только первыми этажами. Не обнаружив ничего интересного, они дошли до странного здания почти кубической формы. Передняя сторона была украшена какими-то ромбами и цифрами, расположенными по кругу. Тут Васька вдруг оживился, хотя на продуктовый магазин здание было совсем не похоже. Бродяга толкнул дверь, которая тут же рухнула – они едва успели отскочить, – и напарники шагнули в проем. Игорь и сам вдруг почувствовал интерес – ему почему-то очень нравилось здесь.

Миновав еще одни двери, они попали в помещение. Справа за барьером виднелись стойки с крючками, на которых висели кое-где тряпки. «Одежда», – подумал Игорь. Ему даже захотелось взять что-нибудь оттуда для Марины и Жени, но тут он отвлекся: в углу помеще-

ния стояла высокая фигура в поблескивающей юбке колоколом. Игорь вздрогнул, но тут же понял – кукла, только очень большая. Васька посветил фонариком – над дверью в следующее помещение была надпись «Музей». И они, не сговариваясь, шагнули внутрь, забыв про еду и про с нетерпением ожидавших их возвращения голодных товарищей. Они так давно не видели ничего подобного! Точнее, Игорь вообще *никогда* не видел ничего подобного.

Тут были куклы.

Они стояли в витринах. У одной была голова свиньи, а туловище совсем как у человека, да еще обряжено в пестрое женское платье. Еще был здесь человек в черной одежде и странной высокой шляпе. Были и красавицы в длинных платьях, и чернобородый мужчина в разноцветном халате и каком-то платке, накрученном на голову, и девушки с раскосыми глазами, и страшная горбатая старуха. Еще был усач в шляпе с пером и обтягивающем красном блестящем комбинезоне с пышными рукавами. Он держал в руке старинное оружие – длинное и тонкое лезвие. «Несерьезный ножик», – подумал Игорь. Он, как замороженный, разглядывал эти фигурки. Особенно поразила его девка в платке с жуткими синими глазищами, обрамленными пышными как веники ресницами. Куклы были примерно в треть человеческого роста. Они показались Громову невероятно красивыми: каждая в особенном наряде, каждая со своим характером. В одежде обитателей метро преобладали темно-зеленый, черный, серый и коричневый цвета. Да и лица у большинства были похожие, измученные и невыразительные. А эти куклы были как... праздник. Игорю захотелось взять какую-нибудь с собой – хотя бы для Жени. Он отодрал стекло и взял одну из красавиц, но та стала разваливаться у него в руках. В результате Игорь взял отвалившуюся голову куклы и сунул в рюкзак.

Он потерял счет времени. Как долго они уже находятся здесь? Уходить не хотелось. Ему почудилось, кто-то зовет его по имени: «Игорь! Игорь!» Голос вроде женский, но не похож на Ленин и уж точно не Маринин. И снова: «Игорь, я жду».

Показалось, что кто-то манит его из угла. Одна из кукол как будто пошевелилась. Громов тряхнул головой, отгоняя наваждение, но тут ему стало казаться, что девка в платке уставила прямо на него свои жуткие синие глазищи. Игорь понял, что надо скорее уходить.

«Надо подняться на второй этаж, – почему-то решил он, – там гораздо лучше. Там можно отдохнуть. Отдохнуть...»

Опомнился он оттого, что Васька тряхнул его за плечо, отчаянно показывая в сторону выхода. У Игоря в голове словно иголки закололи, но он послушно сделал шаг, другой, третий. Каждый следующий шаг давался все легче, и наконец они вывалились из этого страшного дома. Тут же откуда ни возьмись подбежала собака – с виду самая обычная, – и принялась на них лаять. Но Игорь был ей почти рад. По крайней мере, это была просто собака, он даже пару раз видел похожих в метро.

Впрочем, радовался Громов недолго. Собака сама по себе была неопасной, но ее возбужденный лай привлек внимание других хищников, пострашнее. Пробираясь под мостом обратно, Игорь и Васька видели огромные серые тени, бесшумно скользившие слева и сзади. Людей как будто пытались загнать туда, где их было бы удобнее окружить. Но вестибюль метро был уже совсем рядом, и, нырнув в него, бродяги услышали сзади тоскливый разочарованный вой. Видимо, в помещения хищники предпочитали не соваться.

* * *

Вернувшись в свое логово, Игорь и Васька застали остальных в сильном волнении. Те рассказали, что, оставшись одни, услышали топот сапог – шла группа со стороны Чеховской. Идущие вполголоса переговаривались, освещая путь фонариками. Марина, Женья и Профессор затаились. Казалось, вот-вот их убежище обнаружат, и тогда бродягам несдобровать.

Солдаты не дошли до них совсем чуть-чуть. Видимо, им что-то активно не понравилось в туннеле – бродяги слышали их недовольные, тревожные голоса. Затем группа развернулась и ушла обратно.

– Не сегодня завтра они до нас доберутся, – сказала Марина.

Игорь с Васькой принялись разбирать трофеи. В разорванных пакетах оказалась крупа, которую Марина тут же кинула в котелок. Затем выбрали одну из принесенных железных банок, открыли. Запах был не слишком приятным, но изголодавшимся людям он показался замечательным. Содержимое банки тоже вытряхнули в котелок, и через несколько минут они уже уплетали горячую похлебку.

Когда все наелись, Васька принялся рассказывать по порядку – о человеке возле машины и о странной площадке на бульваре.

– Это памятник Никулину, – задумчиво произнес Профессор. – Надо же, до сих пор сохранился. И на бульваре, на площадке – клоуны. Там же цирк был рядом.

– Не знаю, чьи это клоны, – мрачно буркнул Васька, – друг на друга они и вправду похожи. Но теперь там место очень нехорошее. Может, там дикари какие-нибудь живут и этим клонам молятся. Мы там черепа человеческие видели. Я лично больше туда не пойду. Я, конечно, никогда не был в цирке, но теперь там уж точно делать нечего.

Игорь вспомнил про голову куклы, достал и протянул Жене. Но, к его удивлению, девочка никакой радости не выказала. Вежливо поблагодарила, взяла, но потом Громов заметил, как она украдкой запихнула подарок в самый дальний угол. Он удивился. Ему казалось, что девочка должна обрадоваться. Впрочем, что он понимал в девочках-подростках? Может, она уже вышла из того возраста, когда радуются куклам? Или обиделась, что он ей только голову принес? Лучше было, наверное, поискать ей что-нибудь из одежды.

Профессор поинтересовался, откуда они взяли куклу, и Васька рассказал о странном помещении, где они едва не остались навсегда.

– Кукольный театр, – горько вздохнул Профессор. – А теперь там, наверное, устроил себе логово какой-нибудь монстр – сидит в засаде и подманивает жертвы. Я слышал о таких случаях. Вам еще очень повезло, что сумели уйти. Боже, во что мы превратили наш прекрасный город!

Игорю город вовсе не показался таким уж прекрасным, хотя масштабы, безусловно, впечатляли. До этого он уже пару раз поднимался на поверхность, но гигантские каменные коробки неизменно производили на него угнетающее впечатление.

– М-да, – задумчиво произнес Васька, – Кастанеда-то об этом не писал ничего².

Профессор обалдело посмотрел на него.

– Чего уставился? – буркнул Васька.

– Нет, ничего, – пробормотал Северцев. – Просто никак не подозревал, что вы знакомы с творениями Кастанеды, Василий. Вы это очень успешно скрывали.

– А я и не знаком, – буркнул Васька. – Я даже без понятия, кто это такой. Это у мамашки моей такая поговорка была. Когда ее что-то сильно удивляло, и не сказать, чтоб приятно. А чаще всего так оно и было. Бывало, лежит с книжкой на продавленном диване, рядом окурков полная пепельница, а она смотрит куда-то в стену и бормочет: «Прав, прав ты был, Егор. Кастанеда об этом ничего не писал». Я голодный сижу, а она книжки читает. Нет бы хоть сказку ребенку рассказать, раз уж жрать все равно нечего... И все-таки наверху лучше жилось, чем здесь. Хотя здесь мне голодать приходится гораздо реже, чем в детстве.

Игорь обратил внимание, что Васька не стал показывать остальным принесенные с поверхности бутылки, оставил в рюкзаке. На следующий день он с этим рюкзаком ушел в Рейх. А вернувшись, отозвал Игоря под каким-то предлогом в туннель, подальше, чтобы не слышали остальные, и показал ему костюм химзащиты и два респиратора.

² «Кастанеда об этом ничего не писал», – фраза из песни Е. Летова «Ночь».

– Вот, смотри, сколько полезного выменял. Еще патронов отсыпали в придачу. Я вообще-то противогаз хотел, но противогаз не дали, уроды.

– Зачем нам столько снаряжения? – удивился Игорь.

– Затем, что уходить надо отсюда. Пропадем мы здесь. Сидим, как крысы в норе. Со дня на день ждем – то ли фашисты нас прикончат, то ли туннель на башку обрушится, то ли сами от голода загнемся. Вывод: надо перебираться в какое-нибудь местечко поспокойнее да посытнее.

Игорь и сам подумывал об уходе, поэтому Ваську слушал очень внимательно. А тот продолжал:

– Старика с собой не возьмем – он нам только обузой будет. Надо, чтобы он нам карту нарисовал, он места эти знает. А с собой не потащим, с ним далеко не уйдешь. Я бы и баб с собой не брал, и вообще сам бы ушел, но только не знаю тут ни черта. В незнакомом месте лучше, чтоб прикрывал кто-нибудь, а с тобой, я посмотрел, можно дело иметь. Девчонку бы еще оставить тут, но Маринка без нее никуда – придется взять.

– А зачем костюмы? – спросил Игорь. – Не проще ли отсюда по туннелям дойти до Новослободской?

– Во-первых, так тебя и пустят на Ганзу без документов. Но это не главное. Можно было бы попробовать. Но старик говорил – нехорошо в том туннеле.

– А что нехорошего? Он же сюда дошел оттуда.

– Так-то оно так. Но только он как-то мне проболтался, что вышло-то их с Новослободской двое. А дошел он сюда один. Вот и думай – кому он напарничка скормил по дороге?

Игорь молчал. Эльф, довольный произведенным эффектом, перешел к практическим вопросам.

– Костюмы у нас теперь есть. Я этот себе возьму, а девчонке свой старый отдам, пусть спасибо скажет, что хоть какой ей достанется. Те два, которые мы тогда с мертвяков сняли, – вам с Маринкой. С собой надо жидкости горючей взять, у меня есть немного. Зажигалки, еду. Оружия у нас, конечно, маловато, ну да бабы все равно с ним обращаться не умеют. Главное выбрать надо, куда пойдем. Я попробую со стариком потолковать сегодня, он говорил, что места тут знает. Даже вспоминал, что какая-то станция тут недалеко совсем – Сухаревская, что ли?

Игорь напрягся. Что-то он такое нехорошее про эту Сухаревскую слышал, но вспомнить не мог.

Вечером Васька завел разговор с Профессором.

– А какая станция отсюда всего ближе? – как бы невзначай спросил он.

– Сухаревская, – ответил Профессор. – Только странные вещи рассказывают про эту станцию. Дескать, там люди в туннелях пропадают.

– Я вспомнил! – хлопнул себя по лбу Игорь. – Потому и переходы с Красной линии на Тургеневскую замуровали.

– Стало быть, туда лучше не ходить, – неосторожно брякнул Васька. – А еще какие тут поблизости есть?

– Вы что, уходить собрались? – с подозрением спросил Профессор.

– Да просто интересно, – отнекивался Эльф, но старик уже все понял.

– Возьмите меня с собой, – умоляюще заговорил он. – Я тут один пропаду. А вы без меня все равно не дойдете – я тут все места знаю.

Васька недовольно скривился:

– Молодым и сильным тяжело, а ты вообще по дороге загнешься.

– Возьмите! – умолял Профессор. – Я тогда вам расскажу, как идти. Если повезет, нам и на поверхность выходить почти не придется.

– Это почему? – спросил Васька.

– А здесь совсем рядом река подземная по трубе течет. По той трубе вдоль нее можно дойти даже до красных на Охотном ряду. То есть на Проспекте Маркса, – спохватившись, добавил Профессор.

– Я к красным не хочу возвращаться, – помотал головой Игорь.

– Да нам бы хоть до каких людей добраться. Хуже, чем у фашистов под боком, все равно не будет. Ну, разве только у бандитов на Китай-городе. Да и там, говорят, тоже люди попадают.

Игорь подумал и согласился. Главное – для начала выбраться отсюда. Можно и к своим. Товарищ Москвин ведь еще не в курсе, что Игорь многое понял, пока поправлялся. Товарищ Москвин даже не знает, что диверсант Громов вообще уцелел. Интересно будет взглянуть в глаза вождю. С каким лицом он его встретит?

Товарищ Москвин. Отец родной. Предатель.

– В чем-то ты прав, – рассуждал тем временем Васька. – Когда еще вас всех тут не было, проходил мимо человек один. Чудно как-то назвался. Так он сказал, что шел под землей, но не по метро. И от красных напрямик дошел сюда в обход Рейха. Я его в туннеле возле Цветного бульвара встретил. А потом он дальше пошел – сказал, к Проспекту Мира. Ушел, и больше я его не видел. Но он много интересного рассказал. Что в этих местах под землей везде трубы проложены, потому и станция рядом с Цветным бульваром Трубой называется. И по этим трубам далеко можно уйти.

– Да тут везде подземные ходы, – закивал Профессор. – Я раньше не так далеко отсюда жил, эти края неплохо знаю. Тут воры когда-то обитали и по подземным ходам уходили от облав. А еще тут относительно недалеко друг от друга целых три станции метро находятся. Про Сухаревскую уже говорили, а вот если Садовое кольцо перейти и пойти прямо, то там не так далеко будет Достоевская. Правда, от кого-то слышал я, что разрушена она, но, может, врут люди? А от нее через Екатерининский парк до Проспекта Мира не так уж далеко. А там уж точно люди живут – что на кольцевой, что на радиальной. На Ганзу мы, может, и не попадем, но на радиальной, думаю, можно устроиться. Жалко, – посетовал Профессор, – что нет у нас плана подземных коммуникаций.

Идея, показавшаяся сперва бредовой, постепенно стала обретать конкретные очертания. Бродяги вообще не умели долго сидеть на одном месте, они привыкли скитаться в поисках еды.

План Профессора подразумевал, что его самого должны беречь как зеницу ока. Ведь он единственный бывал в этих местах еще до Катастрофы и мог указать направление. Игорь уже знал, что одно дело – карта, а другое – суметь сориентироваться по этой карте. К тому же за столько лет все могло измениться до неузнаваемости.

Глава 3

Вниз по течению

Среди ночи Игорю вдруг послышались из угла странные звуки – нежное шипение, словно струйка пара вырывается из-под крышки котелка, а затем шорох. Он нашарил поблизости обломок кирпича и ждал. Но, как оказалось, проснулся не только он – чуткий Васька, привыкший спать вполглаза, тоже был настороже. Вспыхнул фонарик, и эльф с ругательствами принялся ожесточенно тыкать во что-то ножом. Игорю показалось, что он заметил черное щупальце. Оно прямо у него на глазах буквально всосалось обратно в щель возле пола. Эльф был мрачен.

– Буди остальных, – сказал он. – Уходим. Теперь нам тут житья не будет.

Женя уже проснулась и, услышав эти слова, принялась молча трясти за плечо Марину. Игорь удивился хладнокровию девочки. Разбуженный Профессор тоже не задавал лишних вопросов. Каждый быстро собрал свой нехитрый скарб, и Васька сказал:

– Придется идти прямо сейчас. Может, в туннеле возле Цветного бульвара остаток ночи и день пересидим, а потом дальше отправимся.

– А что случилось-то, – подала наконец голос ничего не понимавшая Марина. – К чему такая спешка?

И словно в ответ на ее слова в углу опять раздалось шуршание. Потом в том месте, где ближе к полу шла трещина, от стены отвалилось несколько обломков – словно кто-то пробивал себе дорогу. Марина, расширив глаза, глядела как замороженная. Игорь взял ее за плечо и подтолкнул к выходу – только тогда женщина опомнилась, схватила за руку Женю и двинулась за эльфом и Профессором, а Игорь замыкал процессию, поминутно оглядываясь. Жаль было покидать насиженное место. Но чутье подсказывало ему – от существа, которое сейчас пробивалось к ним, лучше держаться подальше.

Уже выходя в туннель, они слышали за спиной стук еще нескольких упавших камней и прибавили ходу. Путь до Цветного бульвара показался Игорю очень недолгим.

Возле станции устроили военный совет. Марина робко заикнулась, что можно было бы попробовать остаток ночи провести здесь. Возможно, удастся даже вздремнуть. Но Профессор считал иначе:

– Думаю, нам не стоит терять времени. Если сейчас мы выйдем на поверхность, то успеем проделать часть пути до конца ночи.

– Уже полночи прошло. Далеко мы не уйдем, – хмуро возразил Васька.

– А нам далеко и не нужно, – загадочно сказал Профессор.

Они еще немного поспорили. Профессор и Игорь были за то, чтобы не терять времени, Васька сомневался, Марина и Женя больше молчали, полагаясь на мужчин. Им тоже было неуютно в незнакомом месте, но кто знает, что ожидало их в пути? В конце концов Васька согласился, что оставаться на заброшенной станции тоже не самый лучший вариант, и маленький отряд стал облачаться в костюмы. Марине и Жене достались респираторы, у остальных были противогазы. На щуплой Жене костюм химзащиты болтался, как на вешалке.

Мужчины проверили оружие – у каждого был автомат, а у Васьки еще нож и предмет зависти Игоря – пистолет Макарова. Не слишком большой, не слишком тяжелый, и патроны к нему найти вполне можно – то, что надо. Его Эльф тоже, видно, где-то украл.

– Как ты не боишься красть? – спросил его однажды Игорь, и бродяга в ответ выдал неожиданное рассуждение: если ты берешь то, что тебе и вправду необходимо именно сейчас,

то это обычно сходит тебе с рук. Главное – чувствовать меру, не ошибиться, не пожелать лишнего.

– А вдруг ты ошибешься? – спросил тогда Игорь.

Эльф беспечно махнул рукой:

– Значит, попадусь, и уж тогда по головке не погладят.

Игорь пожал плечами. Он и так был уверен, что Эльф со временем плохо кончит. Но что ему до этого? Эти люди сейчас нужны ему, потому что один он никуда не дойдет. Как только они перестанут быть ему необходимы, он без сожаления, даже с радостью расстанется с ними. Бродяги – неподходящая компания для такого, как он.

Но сейчас Игорь был почти благодарен Ваське за то, что тот взял командование на себя.

Они подошли к гермоворотам и по очереди протиснулись в узкую щель. Васька с сомнением оглянулся – Игорь, казалось, читал его мысли. Эльф прикидывал, не расчистить ли щель, чтобы к фашистам пробрались какие-нибудь мутанты снаружи и устроили им веселую жизнь. Но, видимо, Эльф от этой мысли все же отказался и снова заслонил щель досками. Хотя и не без сожаления, как показалось Игорю.

Они поднялись по эскалатору – Васька первым, за ним – Профессор и женщины, а Игорь шел замыкающим, то и дело оглядываясь и прислушиваясь. В вестибюле небольшая крылатая тварь с шумом заметалась под потолком, потом вылетела на улицу. Путешественники вышли вслед за ней и остановились, чтобы оглядеться. Игорь посмотрел налево, в сторону эстакады, – не видно ли хищников, которые провожали их в прошлый раз? Но все как будто было спокойно, а вот на бульваре ему почудилось движение. Тем временем Профессор указал вправо – туда, где прошлый раз они видели памятник возле машины. И отряд направился в ту сторону.

По дороге Профессор заметил под ногами круглую металлическую крышку и знаками показал, что ее нужно поднять. Игорь и Васька налегли, Профессор сделал вид, что помогает, хотя толку от него было чуть. Когда откинули крышку, увидели уходящую вниз трубу, вдоль которой торчали проржавевшие железные штыри. Васька полез первым. Скоро они услышали стук. Потом Васька посветил снизу фонариком. Оказалось, труба довольно быстро оканчивалась, выводя в подземелье. Спустился Профессор, следом Женя и Марина. Последним по трубе вниз полез Игорь. Спустившись на пару ступенек, с трудом, держась одной рукой, попытался задвинуть другой люк. Не удалось. Плюнув, Громов спустился еще немного, потом повис, держась за штыри, разжал руки и прыгнул на кучу перемешанного с землей мусора.

Они оказались в низком, почти сухом коридоре с выложенными кирпичами стенами и полукруглым сводом. Профессор подумал и указал рукой в одну сторону, пробубнив что-то невнятное. Бродяги пошли вперед, но вскоре уткнулись в завал. Коридор был засыпан крупными обломками кирпичей. Пришлось возвращаться и двигаться в противоположном направлении.

В противогазе было тяжело дышать, поэтому Игорь стащил его и тут же услышал звуки: где-то тихонько журчала вода. Сзади со стуком упал камень. Игорь обернулся. Посветил – никого. Ему стало не по себе. Остальные тоже стянули резиновые маски и тревожно оглядывались.

Что-то грохнуло наверху, где была крышка люка. Все остановились. Игорь схватился за автомат. Но нет, опять все тихо. Они пошли дальше по коридору, слабый луч фонарика освещал неровные стены, кучи грязи на полу. Вдруг Игорь услышал, как кто-то скребется. «Крыса», – подумал он. Но звук раздавался совсем рядом, а зверька видно не было. Игорю стало казаться, что скрежет идет из-за стены.

– Выпус-с-ти меня! – вдруг услышал он свистящий шепот.

Игорь осветил стену. Ничего. Кое-где кирпичная кладка осыпалась, видна была земля. Но никаких отверстий и полостей не наблюдалось. Звук словно шел прямо из стены.

– Выпус-с-ти!

– Там кто-то есть, – сказал Игорь и сам испугался своего голоса – хриплого, чужого. Женя глядела на него полными ужаса глазами. Наверняка она тоже слышала.

– Ты с ума сошел? – сказал Васька, явно нервничая.

– Тут стена глухая, – зачем-то уточнил Профессор, хотя это и так было всем ясно.

– Пошли отсюда, – заключил Васька. – Живых тут быть не может, а если это мертвяк... тем более сваливать надо побыстрее.

Игорь покосился на Марину – она словно бы ничего не слышала. А вот Женя тревожно вертела головой.

«Неужели она тоже слышала?» – подумал Громов, но спрашивать девочку не стал, чтобы не пугать ее еще больше. В привидения он вообще-то не верил и склонен был думать, что в Рейхе его слишком сильно огрели по голове, оттого и шумит теперь в ушах. Их на Красной линии воспитывали в духе атеизма. Нельзя не признать, что после Катастрофы сторонники материализма получили еще один сильный довод в пользу своей теории. «Если Бог есть, – спрашивал, бывало, патетически очередной лектор, – как он мог допустить *такое*?» И вроде бы приходилось с ним соглашаться, но... при этом суеверными были чуть ли не все поголовно. Кто-то верил в Хозяина туннелей, кто-то – в Путевого Обходчика, и почти все – в Черного Машиниста. Сталкеры все как один обвешивались оберегами и придумывали свои приметы и ритуалы.

Михаил Иванович предпочитал этих вопросов в разговорах с Игорем не касаться. Один раз мельком обронил, что в потусторонние силы верят лишь невежественные люди. Игорь больше с ним не заговаривал, но такое объяснение его тоже не вполне удовлетворило. Гораздо больше понравилась теория одного из сталкеров.

Сталкер тот был у руководства Красной линии как бревно в глазу – уж очень колоритная личность, и по каждому поводу было у него свое мнение, почти никогда не совпадавшее с мнением товарища Москвина. Звали сталкера Айрон Медный, по станции он ходил в потрепанной косухе, мешковатых штанах и остроносых сапогах с заклепками. Был невысоким и полным, но двигался при этом с кошачьей ловкостью. Металлические колечки торчали у него в ушах, в носу, и однажды, когда несвежая рубаша выбилась у сталкера из штанов, Игорь заметил кольцо даже у него в пупке. Говорили, что в прежней жизни был он не то рокером, не то байкером – Игорь так и не понял, это одно и то же или нет. Полуседые волосы Айрон обычно стягивал в хвост, но мог и заплести в косицу, украсив ее лентой. Товарищ Москвин, конечно, давно бы приказал его остричь и одеть по-человечески, а то и в карцер посадить за вольнодумство, но Айрон был удачливым сталкером, и за это приходилось ему многое прощать. Людей, которые могли вернуться с поверхности живыми, да еще и с полезной добычей, и так становилось все меньше. Поэтому Айрон отлично знал себе цену и поговаривал, что в любой момент может податься на Ганзу или в Полис, ему там будут рады. Для Игоря было загадкой, почему Айрон все же до сих пор остается на Красной линии.

И вот однажды, когда сталкер расслаблялся после очередной вылазки и был уже слегка навеселе, он и сказал то, что особенно запомнилось Игорю:

– Я думаю, брат, после Катастрофы все изменилось. Раньше ведь как было – каждый за себя, один бог – против всех. Но вот прогневали его, истощилось его терпение, устроил он нам большой барабум да и плюнул на уцелевших. Мол, сами себя истребят окончательно. В общем, богу теперь не до нас. Больше мы ему не интересны. Крест он на нас поставил. Но у каждого из нас есть свои демоны и свои заступники.

– И у меня тоже? – спросил Игорь.

– И у тебя. Просто ты еще не знаешь их в лицо. Придет время – узнаешь.

И Игорь поверил ему. У Айрона было одутловатое от пьянства лицо – он уверял, что выпивка помогает от радиации. Но говорил он как человек, много повидавший и переживший.

И, как нарочно, мелькнуло в голове Игоря еще одно воспоминание. Случай, который он старался забыть.

Командир их отряда стоит перед кучкой оборванных пленников. Это беженцы. Их поймали в туннеле. Откуда они шли, Игорь уже не помнил. Командир допрашивает их предводителя:

– Почему я должен верить, что вы – не шпионы?

– Мы просто хотим жить в мире с другими. Мы призываем всех прекратить войны – ведь нас и так осталось мало, – отвечает ему человек в истрепанных, но относительно чистых лохмотьях. У него правильные черты лица, хотя выглядит он бледным и осунувшимся. «Он еще не стар – думает Игорь. Сколько ему могло быть в день, когда погиб мир?» Человек смотрит на командира спокойно и прямо, не опуская глаз.

– Вредные мысли! Вы просто смутьяны. Бродячие проповедники. От таких, как вы, одни проблемы.

– Нет. Нам открылась истина. Остатки человечества уцелели не случайно – на то была воля свыше.

– Вот как? А я думаю, что ты уж точно уцелел по ошибке. И сейчас докажу тебе это.

Командир поднимает пистолет и стреляет в упор. На груди человека расплывается красное пятно, он молча падает вниз лицом на шпалы. Командир смотрит на остальных:

– Ну? Кто еще хочет потолковать о божественном?

Пленников привели на станцию, а потом куда-то переправили. Ходили слухи, что где-то на одной из отдаленных станций Красной линии расположен не то лагерь, не то лаборатория, где на врагах народа ставят эксперименты, служащие для пользы всего прогрессивного пролетариата.

Такие случаи тоже вызывали сомнения в существовании высшего разума. Впрочем, подрывали они заодно и веру в справедливость, доброту и мудрость руководства Красной линии.

«Я не поддамся, – думал теперь Игорь. – Здесь не может быть живых. А если это дух и он нуждается в моей помощи, значит, он недостаточно силен, чтобы самостоятельно выбраться из стены. Но я не стану помогать ему, еще не хватало – выпускать зло наружу своими руками».

Задерживаться здесь, конечно, не стоило. И Игорь поторопился за Васькой.

* * *

Эльф ушел вперед, и вскоре остальные услышали его удивленный возглас. Путешественники остановились. Игорь подошел к ним и увидел – все четверо столпились перед проемом, где коридор выводил в большое помещение. Васька осторожно посветил внутрь. Луч obeжал серые бетонные стены с потеками сырости и кучи хлама на полу: старая железная решетка, лопата и какое-то тряпье, слежавшееся от времени. Они вошли, спотыкаясь об обломки кирпичей и прочий мусор. Васька, добравшись до дальнего угла, тихо присвистнул. Игорь подошел поближе.

В полу виднелось круглое, выложенное кирпичами отверстие. Ширина его была такова, что человек, пожалуй, мог бы туда протиснуться стоя, прижав руки к телу. Васька посветил, но дна не было видно. Дыра казалась бездонной.

Игорь поднял обломок кирпича, кинул вниз. Долго ничего не было слышно, затем из глубин колодца вдруг послышалось шуршание. Словно там лежала мятая бумага, и теперь кто-то ее ворошил. Женя ойкнула, все попятились назад.

– Не плюй в колодец. Вылетит – не поймает! – наставительно заметил Васька и осветил потолок, держась подальше от дыры в полу. В потолке обнаружился круглый люк. Других выходов помещение не имело. Эльф обернулся к Профессору.

– Ты куда нас привел, гад?

Тот что-то неразборчиво бормотал. Васька схватил его за грудки.

– Слышь, старый черт?! Я к тебе обращаюсь! Ты чего нас сюда притащил? Чтоб мы тут сдохли? Блин, как знал – не хотел тебя брать!

У него начиналась истерика. Игорь схватил бродягу за плечо, тряхнул:

– Не время сейчас отношения выяснять. Выбираться надо отсюда, пока не поздно.

В этот момент наверху неожиданно раздались тяжелые, неторопливые, размеренные шаги. Судя по звукам, существо, бродившее там, было в несколько раз крупнее человека. Все сразу притихли.

– Я просто ошибся люком, – бормотал Профессор. – С кем не бывает? Этот коридор никуда не ведет. То есть ведет, но – в подвал дома. Может, раньше еще куда-то вел, но его завалило.

– Эй, разбор полетов потом, – повторил Игорь фразу, которую не раз слышал от командира в разведшколе. – Все быстро и без шума идем обратно.

Над их головами что-то загремело, покатилося. Потом звякнуло, как будто металлический предмет упал, послышалась возня. Находившееся там существо, судя по всему, учуяло людей и вплотную заинтересовалось люком. Раздался скрежет – словно крепкие когти царапали металлическую поверхность. Из дыры в полу по-прежнему слышалось шуршание. Казалось, что источник звука понемногу приближается.

Путешественники быстро пошли обратно по коридору к тому месту, где спускались.

– Сейчас, сейчас, – бормотал напуганный Профессор. – Теперь я знаю, куда нам надо. Я найду другой люк.

– Это если успеешь, – зловеще бормотал Васька. – А если наверху, на выходе, нас уже какая-нибудь тварюга караулит? Я тогда лично первым делом тебя придушу, старый черт!

Он настоял на том, чтобы Профессор лез первым. Тот пытался сопротивляться, но пришлось уступить. Игорь в их перебранку не вступал, хотя в душе порадовался, что не смог задвинуть люк – старик не смог бы его отодвинуть и двумя руками.

Громов подсаживал в трубу всех по очереди, а потом Васька посветил ему сверху и он, подпрыгнув на куче хлама, на секунду всей тяжестью повис на нижнем ржавом штыре. Тот начал прогибаться под его весом, но Игорь уже уцепился другой рукой за следующий штырь, с усилием подтянулся и вскоре был на поверхности. Они кое-как задвинули тяжелую крышку люка. Игорь еще подумал – кто-нибудь пойдет и провалится. С другой стороны, ходить тут особо некому, кроме животных.

Бродяги двинулись вдоль бульвара, удаляясь от эстакады. Дойдя до памятника человеку возле машины, Профессор нежно погладил его, словно старого друга. Оглянувшись на разрушенное здание поблизости и указав рукой на бульвар, в направлении круглой площадки, где темнели жуткие фигуры. Васька отрицательно замотал головой, но Профессор настаивал. В результате они все же двинулись в том направлении. Игорь понял – Северцев хотел перейти на ту сторону бульвара. Двигаться сквозь заросли было бы безумием, а площадка хотя бы как-то просматривалась.

Чуть ли не из-под ног у них порскнуло небольшое животное и умчалось в темноту. С бульвара донесся тоскливый заунывный вой, сменившийся поскуливанием. Профессор затропился. Нервно оглядываясь, они прошли справа от фигуры на колесе, Игорь невольно покопался на четырехугольный предмет – черепа были на месте. «Как бы и наши к ним не прибавились», – подумал он. И тут же услышал, как вскрикнул Васька и нагнулся, ощупывая ногу. Игорь посветил – в щиколотку Эльфа воткнулась острая железка. Тут что-то пролетело возле самого его уха. Громов торопливо погасил фонарь – на свету они представляли собой отличные мишени. Васька вскинул автомат и дал очередь по ближайшим кустам. Оттуда раздался короткий вопль. Игорь жестом показал женщинам, что лучше передвигаться ползком, и сам, пригнувшись, чуть ли не таща на себе Ваську, поторопился покинуть площадку, видимо охра-

нявшуюся здешними аборигенами. Знакомиться с ними поближе никакого желания не было – Игорь подозревал, что числом их маленький отряд явно уступает противнику. Профессор уже давно опередил товарищей и вскоре опять обнаружил круглую железную крышку под ногами. Игорь с Васькой вновь, поднатужившись, отвалили ее, и на этот раз результат явно устроил старика больше. Вниз шла труба, в которую на некотором расстоянии друг от друга были вделаны толстые железные скобы. Профессор заглянул в нее, кивнул и выжидательно обернулся к Васке. Тому все это ужасно не нравилось – он знаком предложил Северцеву спускаться первым. Профессор отрицательно замотал головой.

Все это Игорю уже изрядно надоело, к тому же в любой момент могла появиться неведомая погоня. Отстранив шипящего от боли и злости Эльфа, Громов решительно поставил ногу на крайнюю скобу, попробовал – выдержит ли? Скоба выдержала, и он потихоньку начал спускаться, не ожидая, чем кончится спор наверху.

Сначала Игорь лез на ощупь, но вскоре услышал, что сверху за ним спускается еще кто-то, освещая трубу слабым лучом фонарика. Бодрости у Громова прибавилось. Он только боялся, как бы тот, кто спускался сверху, не оступился и не рухнул прямо на него.

Казалось, спуск продолжался куда дольше, чем в первый раз. Потом правая нога Игоря вместо железа скобы вдруг ощутила пустоту, и Громов, сорвавшись от неожиданности, повис на руках. В слабом свете фонарика он увидел, что до пола недалеко, и решился разжать пальцы. Упал удачно, почти не ушибся, только весь измазался в грязи, и через секунду уже стоял на ногах, готовый подхватить того, кто спускался следующим. Повисев немного, тот, как куль, рухнул ему в руки, и по весу Игорь догадался, что это была Женя. Марина оказалась куда тяжелее, а уж удержать Профессора и вовсе не вышло – в итоге Игорь не устоял на ногах и они оба рухнули на пол. Последним появился Васка – ему явно трудно было спускаться из-за раненой ноги. Игорь поймал и его – Эльф оказался не таким уж тяжелым.

Теперь они могли оглядеться. Странное это было место. Люди находились в туннеле, по размерам почти таком же, как и в метро, только в середине его текла мутноватая река. А они стояли как будто на тротуаре, достаточно широком для того, чтобы спокойно идти. Такой же был и с другой стороны.

Профессор решительно потянул с лица противогаз. Марина, глядя на него, тоже сняла респиратор. Игорь вовсе не был уверен, что это разумно, но, поколебавшись, противогаз тоже стащил. Воздух здесь был слегка затхлый, пахло сыростью и еще какой-то гнилью. Но после туннелей метро этот воздух показался почти свежим.

– Ни хрена себе! – пробормотал Васка. – Где это мы оказались?

– Это и есть подземная река Неглинка, – сообщил Профессор. – Начинается где-то в районе Марьиной рощи, – он неопределенно махнул рукой вверх по течению, – потом впадает в Москву-реку возле самого Кремля. Когда-то была обычной речкой, но это было очень давно. Постепенно ее стали использовать для сброса всякого мусора, и скоро ближе к Кремлю она вообще превратилась в зловонное болото. Там ведь мясные ряды были, можно себе представить, какой стоял запах. Потом реку заключили в каменную трубу. Думали, тогда перестанут горожане сбрасывать туда отходы, но ничего подобного. Наоборот, из окрестных домов хозяева провели туда стоки для нечистот. Трубы, по которым текла Неглинка, постоянно засорялись, и во время сильных дождей она разливалась по поверхности, затопляла улицы. Я этого уже не помню, а вот мать мне рассказывала, как на месте Трубной площади возникало озеро, по которому можно было плавать на лодке. В конце прошлого века все же построили новый коллектор, вот этот, – и он обвел рукой коридор. – Но его сделали только от Цветного бульвара, а выше по течению речка по-прежнему заключена в старую кирпичную трубу.

– А ты откуда знаешь про это место? – спросил Васка.

– С другом как-то залезли сюда, еще когда студентами были. Но мы быстро выбрались обратно – тогда такой ужасный запах здесь был...

– И куда мы теперь пойдём? – поинтересовался Васька.

Профессор махнул рукой вниз по течению:

– Думаю, стоит отправиться в сторону Кремля, по новому коллектору. Тут хотя бы идти удобно, не то что по старинным трубам. А там попробуем попасть на Охотный ряд. В смысле, на Проспект Маркса.

* * *

Очень скоро все почувствовали усталость. Марина не жаловалась, но Игорь видел – она еле передвигает ноги. Вдобавок Женья уцепилась за нее, норовя повиснуть всей тяжестью. Васька прихрамывал и тихо чертыхался сквозь зубы.

– Давайте еще немного пройдем и устроим привал, – предложил Профессор. – Спать ужасно хочется. А когда отдохнем и перекусим, двинемся дальше.

– А где мы сейчас примерно? – спросил Игорь. – Зачем спросил, он и сам не знал. Наверху он все равно не ориентировался.

– Думаю, уже приближаемся к Трубной площади. Отсюда не так уж далеко до Охотного ряда. Там, может, верхом немного придется пройти – прямого сообщения между этим туннелем и метро нет, по крайней мере, мне об этом ничего не известно.

«Ладно, – подумал Игорь, – может, действительно не так уж плохо для начала попасть к своим». А уж потом он решит, что делать. На Красной линии не останется, конечно. Не сможет простить, что его списали со счетов, как ненужный хлам.

Впрочем, для начала туда еще дойти неплохо бы. А потом уже и думать.

Отряд, не торопясь, двинулся дальше. Но скоро Женья, не сказав ни слова, бессильно опустилась на пол, прямо в грязь. Тут и остальные остановились. Всех клонило в сон, но кто-то должен был караулить.

– Давай так, – предложил Васька Игорю, – я на пару часиков прикорну, а потом сменю тебя и ты поспишь.

Спорить не хотелось, хотя Громов чувствовал себя не лучшим образом. Скоро вокруг него все дремали, пристроившись, кто как мог, положив под голову рюкзаки и подстелив что-нибудь из вещей. А Игорь слушал журчание воды, и понемногу глаза его тоже начинали смыкаться.

Чтобы не заснуть, он включил фонарик, нашарил возле себя обломок цемента и швырнул в мутноватую воду. Тотчас оттуда высунулась небольшая, но на редкость зубастая пасть, по бокам которой торчали два выпуклых белых глаза. «А река-то, оказывается, обитаема, – подумал Игорь. – Интересно, можно ли пить эту воду, если вскипятить, и употреблять в пищу здешних обитателей?»

Он и сам не знал, сколько времени провел так, то проваливаясь в сон, то просыпаясь. Ваську будить не хотелось – тот стонал во сне, ему явно было плохо. Но вдруг, как от толчка, проснулась Марина и села, протирая глаза.

– Не спишь? Ложись, я за тебя покараулю.

Игорь сначала отнекивался, но усталость брала свое. Марина подошла к краю воды, присела, глядя вниз.

– Руки не вздумай мыть, – успел предупредить Игорь, и тут сон сморил его окончательно.

* * *

Когда он проснулся, остальные были уже на ногах. Женья и Марина под руководством Профессора разводили костер из собранных на берегу веток, дощечек, корней деревьев и про-

чего хлама, плеснув на все это горючей жидкости. Игорь в очередной раз подивился, как ловко Марина орудует обеими руками. Даже той, что замотана в тряпицу.

– Ты ранена? – спросил он, указывая на черную повязку.

– А, это ерунда. Это давно уже. Не обращай внимания, – отмахнулась она.

Игорь уже начал привыкать, что его спутники, хоть и относятся к самому низкому социальному слою (а может, наоборот, именно из-за этого), очень нервно реагируют, когда им наступают на любимую мозоль. Все они были, что называется, со своими тараканами. Игорь уже усвоил, что Ваську, например, лучше не спрашивать о судьбе его матери. Профессор под большим секретом, взяв с него слово молчать, сообщил, что Васькина мать погибла в метро уже через несколько лет после Катастрофы. Вроде бы она пристрастилась к дури, и такой итог был закономерен. Васька, видимо, переживал это очень болезненно. Тихая, запуганная Женья едва в истерике не забилась, когда Игорь спросил, почему бы ей не снять замызганную тряпицу, обмотанную вокруг головы на манер косынки, которая ее вовсе не украшает. Теперь вот обнаружилось, что свои секреты есть и у Марины. Обычно такая разговорчивая, она тут же замкнулась, когда он задал вполне невинный, с его точки зрения, вопрос – что у нее с рукой. «Ладно, – подумал Громов, – не хочет говорить – не надо».

В одной из боковых труб они набрали воду, которая показалась им вполне приемлемой. Профессор велел ее процедить хотя бы через тряпку. Он недовольно напомнил всем, что в эту речку испокон веков стекали всякие нечистоты. И даже теперь, когда на поверхности уже двадцать лет не живут, неизвестно, намного ли чище стала вода. Впрочем, он решил, что после кипячения ее можно будет употреблять. Васька сидел, баюкая раненую ногу. Марина уже успела перевязать ее какими-то тряпками.

– Лишь бы железка не была отравленной, – мрачно сказал Профессор.

Васька помотал головой. Он беспокожно принимался.

– Ты говоришь, в эту реку раньше дерьмо сливали. Так это мы по нему вчера шли?

– Да с тех пор уже двадцать лет прошло, – пробурчал Профессор. – Оно уж давно превратилось в удобрения.

Но Ваську это не успокоило.

– Вот только этого не хватало – утонуть напоследок в дерьме, – фыркнул он. Профессор с опаской покосился на него, ожидая очередной вспышки Васькиного гнева.

– Как ночь прошла, спокойно? – спросил Игорь у Марины.

Та рассказала, что, в общем, спокойно. Если не считать того, что она вдруг услышала чавкающие звуки, а потом увидела слабый луч фонарика. На ее глазах мимо по противоположному берегу прошел человек в странной одежде, измазанной грязью, и, не обращая никакого внимания ни на нее, ни на спящих, убрел куда-то вверх по течению.

– Профессор сказал, что раньше сюда сверху сбрасывали трупы убитых и ограбленных. Может, это призрак был? – совершенно серьезно предположила Марина.

Васька, несмотря на то что имел бледный вид, не упустил случая покрутить пальцем у виска.

Игорь подивился другому. Он, конечно, в призраков не верил, возможно, Марина опять сочиняла. А могло быть и так, что какой-то человек действительно прошел мимо по своим делам. Почему бы здешним подземельям и не быть обитаемыми? Но если Марина действительно видела странного человека – или ей показалось, что видела – почему не подняла крик, не забилась в истерике, не перебудила тут же всех? Девять из десяти его знакомых женщин поступили бы именно так. Эта особа не переставала его удивлять – при всей своей болтливости и кажущемся легкомыслии она оказалась довольно хладнокровной.

Пока горел небольшой костер, Марина с Женей ухитрились не только вскипятить воду и сделать чай, но и сварить из крупы что-то вроде каши, сдоблив ее содержимым одной из железных банок. И вскоре, перекусив, все повеселели. Надо было двигаться дальше, но из-за

раненой ноги Васька мог лишь еле-еле ковылять. Из найденной на берегу палки ему соорудили плохонький кривой костыль и потихоньку тронулись в путь.

Места здесь были интересные. Бетонные стены кое-где выкрошились, так что торчали куски железной арматуры. Сверху свисала бахрома из корней деревьев, пробившихся сюда, иногда настолько густая, что даже приходилось раздвигать руками. А один раз дорогу преградили такие могучие корни, что Игорю пришлось пилить один из них Васькиным ножом, чтобы освободить проход. Потом Васька указал всем на огромный вырост серо-белого цвета, торчащий прямо на стене. Профессор, разглядев его, пришел к выводу, что это гриб. Правда на вопрос, съедобен ли он, уклончиво ответил, что лучше не рисковать. А потом они заметили, что из бокового прохода торчат два прямых длинных беловатых прутика, да еще и шевелятся. Там явно притаилось какое-то существо. Васька на всякий случай взял автомат наизготовку. Бродяги остановились, не зная, на что решиться.

– Отойдите подальше, – велел Васька, – я сейчас попробую пристрелить тварюгу.

– Не надо стрелять, – раздался вдруг человеческий голос. Все на мгновение замерли. «Неужели здесь водятся мутанты, утратившие человеческий облик, но не возможность говорить?» – ужаснулся Игорь.

И тут из бокового прохода показался человек. Был он бледен, светловолос и одет в какое-то тряпье защитного цвета.

– Не стреляйте. Ни я, ни Грегор не сделаем вам зла.

Однако Игорь заметил, что странный человек держит в руке пистолет.

– Тут разные люди попадают, – пояснил незнакомец, поймав его взгляд. – Откуда идете?

– С Цветного бульвара, – коротко ответил Игорь, решив не вдаваться в подробности.

Человек этим ответом, казалось, вполне удовлетворился.

– А куда путь держите? – поинтересовался он.

– До Охотного ряда хотим дойти, – отозвался Васька.

Человек покачал головой:

– Вы поосторожней там. Говорят, в Кремле какая-то биомасса засела и всех жрет. Над Кремлем даже вичухи не летают.

Женя, между тем, рассматривала обладателя длинных усов. Это был бледный, словно обесцвеченный таракан размером с небольшую собаку.

– Не бойтесь, – сказал человек, – Грегор без моей команды не тронет.

– А ты прямо здесь живешь? – спросила Женя. Игорь подивился – обычно молчаливая и пугливая девочка мигом прониклась доверием к незнакомцу. Может, ей просто таракан понравился? Хотя тоже странно – он считал, что девчонки даже при виде обычных, маленьких тараканов должны визжать и пугаться. Но, видимо, жизнь в метро давно отучила Женю визжать по пустякам. А размерам таракана Игорь не удивился, он еще на Красной линии слышал сталкерские байки о гигантских насекомых и крысах, обитающих, по слухам, в туннелях под Зоопарком.

– Да, так и живу, – с улыбкой ответил незнакомец.

– А что вы тут едите? – спросила практичная Марина.

– Да чаще всего рыбу или крыс. Здешние рыбки вполне съедобные, только вымачивать надо. Грегор их ловит, у него реакция отменная. А еще раки тут водятся – очень вкусные, только надо знать, как их ловить, чтоб пальцы не оттяпали.

И человек погладил таракана между выпуклых фасетчатых глаз. Игорь невольно брезгливо передернулся.

– А тебя как звать? – спросил Васька.

– Зови Костей.

Костя не проявлял излишнего любопытства, зато охотно рассказывал обо всем, что знал. Он жил здесь совершенно один, не считая своей «домашней зверюшки», уже несколько лет, и ему здесь нравилось. Кстати, он уверял, что людей по коллектору ходит предостаточно. Хорошо, если мирных, а то ведь всякие отморозки попадают.

Оказывается, отсюда почти до самого метро Охотный ряд идет широкий удобный туннель. А тот боковой ход, выложенный кирпичом, с круглым сводом, в котором он живет, – ответвление в старую часть коллектора, его некоторые называют «привал Михайлова». Ближе к Охотному ряду удобный туннель сменяется коридором из красного кирпича, который зовут «тропой Гиляровского». Наверное, Михайлов и Гиляровский были предводителями обитавшего здесь еще до Катастрофы племени диггеров, представители которого до сих пор тут попадают. Но с той стороны, где проходит тропа Гиляровского, уже давно никто не приходил, поэтому нельзя точно сказать, что там сейчас творится. Говорят, кто-то видел в тех подземельях странных людей в черном, но они справляют свои непонятные ритуалы и не опасны, если не хаять их божества. Хотя вообще места там нехорошие, и если вдруг путешественники увидят или услышат, что навстречу идет группа в несколько человек, то лучше от греха подальше затаиться или убежать как можно скорее. Но когда Игорь пытался расспросить подробнее о том, что за люди там бродят, Костя отвечал уклончиво. Чего-то он боялся и недоговаривал. Тогда Игорь постарался узнать побольше о хитросплетениях подземных ходов.

Сам Костя в той стороне не бывал ни разу, но от людей слышал, что ближе к концу «тропы Гиляровского» вправо отходит подземный ход – старое русло реки. И будто бы проходит он где-то совсем недалеко от станции метро Боровицкая. В общем, вполне возможно, что если в том месте найти выход на поверхность, то можно попасть прямо в Полис. Главное – не смотреть на кремлевские звезды, иначе конец. Забудешь обо всем и пойдешь на их свет – а что дальше, никто не знает, потому что никто оттуда не возвращался.

А про подземные ходы знающие люди еще много всякого рассказывают. Будто бы чуть ли не от самого Кремля к Храму Христа Спасителя ведет старинный ход, выложенный белым камнем. А рядом с Храмом – вход в метро Кропоткинская. Кажется, все очень просто – по подземным путям можно добраться, куда душа пожелает. Но ведь одно дело – знать, что ход такой есть, и совсем другое – попасть туда и собственными глазами увидеть, что там теперь творится. Может, этот коридор осыпался давно, или твари какие завелись в нем – пауки, гигантские многоножки, да мало ли кто. На куполе Храма Христа Спасителя, по слухам, уже давно свили себе гнездо вичухи. Вполне возможно, что какие-нибудь создания природы облюбовали и тамошние подземелья. И еще, конечно, смущает, что ход этот идет от самого Кремля. Там ведь можно встретить не только мутантов. Говорят, какой-то грозный царь еще задолго до Катастрофы спрятал в подземельях свою библиотеку, да так хорошо, что потом сколько ни искали – найти не могли. И верят многие, что дух его до сих пор бродит в тех подземельях – стережет свои книги. Так что хищники – это еще не самое страшное, что по дороге может попасться.

Как раз живых мутантов Игорь боялся больше, чем мертвого царя, но слушал внимательно, не перебивая.

– Уходят люди иногда в ту сторону, но никто из них обратно не проходил, – посетовал Костя. – А с той стороны приходят гораздо реже, и не от самого Кремля, а из ближайших мест. Последний раз вот с Лубянки двое беглых пробиралось.

Про дикарей на Цветном бульваре нелюдим ничего сказать не мог, так как на поверхность выходил редко.

– Там ведь цирк раньше был, – вспомнил он. – А теперь разрушено все.

– Цирк сгорел, – мрачно сказал Профессор. – А клоуны разбежались. Сидят теперь в кустах и швыряются острыми железками.

– Ладно, если клоуны, – покачал головой Костя. – Там ведь были и змеи, и обезьяны, и крокодилы. И тигры, и слон был. Про слона это так, до кучи – он если где и бегаёт до сих пор,

то наверху, ему в наши подземелья всяко не протиснуться. Но народ говорил – не знаю, правда ли, – что одного крокодила видели потом здесь, в Неглинке. Так что вы поаккуратнее.

– Да мы и Грегора твоего сначала испугались, – признался Васька.

– Тут огромные белые тараканы еще до Катастрофы жили, – философски заметил Костя. – Ну, не такие здоровые, конечно. А Грегор мирный и питается только мелкими звёрушками.

Игорь подумал, что, попадись Грегору беспомощная добыча покрупнее, он тоже может не упустить случая подкрепиться. Но вслух высказывать свои мысли не стал, чтобы не обидеть хозяина таракана.

– Не хочешь с нами пойти? – спросил он Костю напо-следок.

Тот только плечами пожал:

– К красным? Зачем? Мне и тут неплохо. По крайней мере, сам себе хозяин.

* * *

Небольшой отряд двинулся дальше по туннелю. Кое-где на осыпавшихся стенах еще сохранились рисунки и надписи. Некоторые из них прочтению не поддавались. Васька сказал, что это древние руны, наверное, оберегающие от подземных духов. Профессор тихонько хмыкнул, но спорить не стал: после того как Эльф наорал на него тогда, в подвале, он предпочитал больше помалкивать.

Профессор вспоминал тот день, когда они с приятелем забрались сюда впервые. Его так поразило, что под огромным городом, живущим своей шумной жизнью, есть такое место, где время словно замирает. Здесь было тихо и темно, негромко журчала вода. Это место было каким-то самодостаточным. Оазис тишины. Если бы только не запах... Он наводил на мысль о зловонной клоаке, о кишечнике огромного существа, по которому выводятся из организма отходы жизнедеятельности. Но в каком-то смысле это был запах жизни. Двадцать лет назад гигантский организм наверху прекратил функционировать, и запах здесь стал иным. Но и мертвым город тоже трудно пока назвать. Он словно бы впал в спячку. Сумеет ли этот труп когда-нибудь возродиться к жизни или так и будет постепенно разрушаться?..

Иногда в стене туннеля попадались трубы, из некоторых в подземную речку впадали ручейки. Кое-где путь преграждали корни деревьев, через которые приходилось с трудом перебираться. А вскоре путешественники заметили впереди человека. Тот сидел на берегу и на их приближение никак не отреагировал. Подойдя ближе, они увидели, что на коленях у него лежит женщина. Она явно была мертва. Человек механически гладил ее по волосам и тупо смотрел на текущую воду. На проходящих мимо людей он даже не оглянулся. Те осторожно обошли его, сочтя за лучшее его не беспокоить. И лишь когда отошли подальше, Васька с сожалением сказал:

– Костюмчик-то неплохой у нее.

– Ты о чем? – не понял Игорь.

– Да костюм, говорю, у той жмуры хороший. Ей-то он уже без надобности, а нам бы не помешал.

Игорь только пожал плечами. Его уже не корбила циничная манера бродяг говорить откровенно то, что они думали. Это все же лучше, чем лицемерие товарища Москвина. «В сущности, – подумал он, – Васька вполне приличный человек. Ему ведь не пришлось в голову дать по голове беспомощному человеку, погруженному в свое горе, и потом ограбить обоих – живого и мертвую. Мужик явно не стал бы оказывать сопротивления, ему, похоже, было все равно. А Васька не воспользовался этим, лишь высказал вполне понятное сожаление – хороший костюм нужней живым, чем покойнице...»

Моноotonно чавкала грязь под ногами. Игорь чуть было не задремал на ходу, но вспомнив, где находится, расправил плечи. Видно, он и вправду слегка вздремнул – даже не заметил, что Васька поменялся с ним местами и теперь бредет замыкающим. А кто же первый – неужели трусоватый Профессор? Ну, наверное, кто-то очень крупный сдох. Возможно, тот самый слон из цирка...

– Не отставать! – послышался Васькин голос. Доносился он спереди. Игорь посветил – слабый луч выхватил спину Марины, худенькую фигурку Жени. Перед ними – грузноватый Профессор, а самый первый – Васька. А кто же тогда идет за ним?

Он резко обернулся и посветил фонариком. Никого! Но стоило ему тронуться дальше – и сзади вновь зазвучали чьи-то шаги: «Чвак-чвак! Хлюп-хлюп».

Игорь снова обернулся – и вновь не увидел никого. Когда он проделал это в третий или четвертый раз, Васька, не оборачиваясь, недовольно спросил:

– Чего ты мечешься, как потерпевший?

Игорю стыдно было сознаваться в своих страхах.

– Да так... Надо же проследить на всякий случай, нет ли сзади кого-нибудь, – уклончиво ответил он.

– Акустика здесь странная, – отметил Профессор, и Игорь понял – старик тоже слышал шаги.

– Не зря тутошние стены знаками изрисованы, ох, не зря! – проворчал Васька. – Нечисто тут – зуб даю!

В какой-то момент шаги сзади вдруг прекратились. Но теперь Игорь чувствовал затылком чей-то тяжелый взгляд. Он уже не оборачивался, зная, что все равно никого не увидит, но ощущение было вполне отчетливым. Кто следил сейчас за ним, оставалось лишь гадать. Потом вдруг отпустило – словно хозяину здешних мест надоело их разглядывать, и он занялся кем-то другим, оставив людей в покое – но лишь до поры до времени. А может, проводил их до границ своего участка, и теперь за ними незаметно наблюдает другой? Вопреки рассудку и логике, Игорь чувствовал присутствие постороннего и враждебного существа.

Вскоре пришлось снова сделать привал и подкрепиться. Запасы еды неуклонно таяли. От фонарика толку было мало, и, чтобы освещать дорогу, обмакнули один конец палки в горячую жидкость и подожгли. Импровизированный факел неимоверно чадил. Впрочем, по расчетам Профессора, идти им оставалось уже не так уж долго. Ориентиром должно было стать то место, где современный туннель переходил в старинный коридор, выложенный красным кирпичом. Где-то там, по словам Кости, нужно было искать дорогу на поверхность, а затем и вход в метро. Правда, непонятно было, что делать с Васькой – нога у него совсем разболелась, он еле мог передвигаться, тяжело налегая на костыль. Вряд ли в таком состоянии Эльф смог бы подняться по скобам вертикального колодца. Но Игорь уже понял – на будущее здесь лучше не загадывать и решать проблемы по мере их поступления.

Они вновь тронулись в путь. Ноги скользили по илу, покрывавшему берег. Кое-где поднимались небольшие известковые выросты. Профессор назвал их сталактитами. Подняв голову, Игорь увидел такие же сосульки, свисавшие с потолка.

В одном месте из стены вывалился огромный кусок бетона и образовалась глубокая ниша. Ее обходили осторожно. Потом попалось еще одно круглое отверстие. Сначала, видимо, в этом месте обрушилась часть стены, но ход явно был углублен и расширен человеческими руками и уводил куда-то перпендикулярно основному туннелю.

Берег был нередко завален разным хламом. Они обнаружили чьи-то драные сапоги необъятных размеров, а поодаль валялся труп небольшого животного, в котором копошились жирные белые личинки.

И наконец впереди Игорь увидел красивую красную кирпичную кладку. Но он разглядел и еще кое-что – в глубине выложенного красным кирпичом коридора путь преграждала стена. Она была сделана из другого материала, темного и пористого. Игорь чертыхнулся.

– Ничего, – сказал Профессор. – Мы можем поискать выход поблизости. В любом случае мы уже где-то недалеко от цели. Но какое интересное сооружение!

Говоря это, он неотрывно глядел на стену. Игорю тоже захотелось разглядеть ее поближе. Судя по всему, та же мысль пришла в голову и Ваське. Они подошли чуть поближе, Васька посветил фонариком и, шокированный, пробормотал:

– Да ведь она... живая. Она дышит!

– Назад! – крикнула издали Марина, прижимая к себе Женю. Игорь инстинктивно метнулся назад, его чуть не сбил с ног Профессор. А вот Васька не успел. Раздался его крик, и, оглянувшись, Игорь увидел, что темная масса, протянувшись вперед по полу, облепила ноги Эльфа. Громов дал автоматную очередь, но пули как будто не причинили массе никакого вреда. И тут Марина, подскочив, сунула ему в руки горящий факел. Игорь швырнул факел в направлении темной субстанции, та отпрянула, зашипела, отступила. А Васька остался лежать, скорчившись.

Игорь осторожно подошел к нему. Бродяга глядел на него мученическими глазами.

– Больно очень, – прошептал он. – Ноги прям огнем горят. И не слушаются. Как будто не мои...

Он попробовал пошевелиться, и Игорь обомлел: Васькина нога ниже колена неестественно гнулась во все стороны, словно была бескостной.

– Давай я тебя понесу, – предложил Игорь. Но едва он попытался дотронуться до Васьки, тот вскрикнул:

– Нет, не надо! Не хочу! Больно очень. Рюкзак мой возьми.

Игорь попытался как можно осторожнее стянуть с него рюкзак, но Васька все равно пару раз зашипел от боли. Чуть поодаль темная масса бугрилась, приподнималась, словно выжидая.

– Достань там бутылку с жидкостью горючей. Налей вот здесь, – он показал перед собой. – Автомат мой возьми – пригодится. И то, что в рюкзаке, – противогаз, патроны – все вам. Да, вот еще. На память тебе.

Он протянул нож со свастикой на рукоятке – предмет мечты Игоря. Тогда Громов начал понимать.

– Прекрати, – сказал он. – Мы вынесем тебя отсюда. Живут люди и без ног.

– Смеешься? – прохрипел Васька. – Я сгнию раньше, чем мы хоть какого врача найдем! Да и не по мне такая жизнь – кому я нужен безногий? Лучше сделай доброе дело – возьми пистолет и пристрели меня. Не хочу, чтобы эта пакость меня живьем сожрала. А потом поджигай все, чтоб паскуде жизнь медом не казалась!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.